

КОМАНДИР, ВЫ В ОТЦЫ НЕ ГОДИТЕСЬ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Командир, вы в отцы не годитесь

«Автор»

2026

Витальев А.

Командир, вы в отцы не годитесь / А. Витальев — «Автор»,
2026

Мужчина, которого Анна Рубцова ждала три года назад, так и не вернулся, и теперь она одна поднимает лагерь, растит девятилетнюю Машу и каждое утро сама проверяет лодки, спасжилеты и маршруты. Город присылает нового инспектора безопасности, бывшего полковника Дениса Крылова, и он за неделю закрывает половину сплавов, требует заменить старое снаряжение и разговаривает с ней так, будто она курсант, а не директор. На школьном празднике Маша по привычке называет его папой, а потом при всем классе объявляет, что в отцы он не годится, и с этого дня между Анной и Денисом начинается проверка куда сложнее любой муниципальной: кто из них умеет слушать, кто готов признать чужой опыт и какой ценой оба получают право на первую настоящую близость, когда внезапный паводок отрезает группу детей на острове и выясняется, что ни один приказ без доверия обратно к берегу не работает.

© Витальев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инспектор у причала	5
Глава 2. Половина реки закрыта	12
Глава 3. Праздник без папы	19
Глава 4. В отцы не годитесь	29
Глава 5. Список нового снаряжения	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Витальев

Командир, вы в отцы не годитесь

Глава 1. Инспектор у причала

Вода в майке противно холодила между лопаток, но я не стала выжимать волосы. Хотела успеть застегнуть чехол на лодке, пока сменщица смотрит в телефон. В кармане у меня лежал ключ от подсобки на синей изоленте с моей фамилией — я сама его подписала маркером, потому что чужие руки в моих шкафах мне не нужны. Я подняла голову и увидела, как к причалу подъезжает серый «Патриот», а из него выходит мужчина в форме, которая сидит на нем так, будто он сам ее придумал.

Плечи у него были широкие. Не размытые, как у тех, кто качается в зале, а рабочие, как у человека, который таскает лодки. Я разозлилась на себя за то, что вообще это заметила, стянула чехол до щелчка и пошла к нему навстречу по мокрым доскам. Он не стал ждать у машины, шагнул на причал и остановился, не подавая руки.

— Анна Сергеевна Рубцова?

— Да. Вы инспектор?

— Крылов Денис Андреевич. Полковник запаса. — Он не сказал «приятно», не сказал «здравствуйте», сразу достал планшет. — У вас акты на маршруты по форме три-Д, журнал инструктора и журнал маршрутов. Прошу предоставить.

Я повела его наверх, в штаб. Он сел за мой стол, а я осталась стоять — не потому что он приказал, а потому что стул под ним был директорский, и я хотела видеть, как он держит мою ручку. Он листал страницы ровно, без замечаний, только раз спросил, почему у старшей группы нет новых жилетов. Я объяснила: тендер на каски и спасжилеты завис, город ждет подписи инспектора на акт нестандартной замены. Он поднял на меня глаза.

— Я сегодня этот акт не подпишу. Маршруты по второму и третьему рукаву закрыты до устранения замечаний.

— Каких именно?

— Спасательные жилеты не соответствуют классу реки, узел рулевой лодки номер семь — без акта испытаний, помещение для ночлега младшей группы не принято в эксплуатацию.

— Узел я поменяла позавчера. Снимите с него чехол, потяните на себя, он люфтит на миллиметр, не больше.

— Я вижу. Акт ходовых испытаний я подпишу только после маршрута.

Я вышла из-за стола и пошла к пирсу. Он пошел за мной, не отставая. На причале я молча подняла крышку ящика, вытащила жилет, новый, в заводской упаковке, и протянула ему вместе с ножом.

— Разрежьте упаковку сами. Я хочу, чтобы вы увидели пломбу.

Он разрезал. Потом повернул жилет, нажал на клапан, и в этот момент ткань зашипела — он сам не ожидал, что жилет надуется ему в руки. Получилось неловко: он стоял с надутым жилетом в руках, как с большим ребенком, а я стояла слишком близко, потому что застежка была у него на уровне моего плеча. Я отступила на полшага.

— Класс реки у этого жилета третий, — сказала я, глядя на пломбу. — Для второго рукава нужен четвертый. Но старшие группы ходят по первому, там этого класса хватает. Я вас прошу не закрывать первый рукав.

— Не могу. Без акта нестандартной замены я обязан руководствоваться классом.

Он сложил жилет обратно в ящик, закрыл на ключ и протянул ключ мне. Я взяла. Пальцы у него были сухие, горячие, и я снова на секунду разозлилась на себя, потому что мне нельзя

замечать руки человека, который подписывает акт о закрытии маршрутов. Я спрятала ключ в карман.

— Денис Андреевич, я вас услышала. Список нарушений, которые вы вынесли в предписание, я прошу на отдельном листе, с номерами пунктов. Я хочу закрыть их за сорок восемь часов.

Он кивнул, не по-военному резко, а медленно, и я поняла, что он впервые за утро увидел во мне не «директора-в-юбке», а человека, который умеет считать часы. Я достала из-под навеса свою папку, положила перед ним чистый лист и подвинула ручку. Он сел на опрокинутый ящик, а я осталась стоять. Через десять минут у меня в руках был лист с семью пунктами, два из которых были зачеркнуты им самим как несущественные. Маршруты второго и третьего рукава он все-таки опечатал красной лентой, протянутой через рым-болты на причале. Лента была новая, скрипела.

— Сорок восемь часов, — повторил он. — В понедельник в девять утра жду вас на пирсе с актом устранения. Без акта маршруты останутся закрытыми.

Я кивнула. Он убрал планшет в машину, не попрощался, и «Патриот» отъехал от ворот лагеря. Я постояла на причале, посмотрела на красную ленту, на ключ в кармане, и подумала, что в понедельник в девять утра я приду не одна. Мне нужен был свидетель — кто-то, кому можно показать этот лист и кто умеет читать между строк в таких документах. На причал выбежала Маша, увидела ленту, остановилась и сказала:

— Мам, это что, красное?

— Это, дочь, чтобы я не забыла, что у меня теперь есть враг.

Маша посмотрела на меня серьезно.

— Враг — это который злой?

— Это который пока не верит, что я справлюсь.

Она кивнула и пошла за мной в столовую, а я осталась стоять, пока не привязала лодку номер семь к опоре новым узлом, который он так и не увидит до понедельника.

В столовой пахло гречкой с морковкой и мокрым деревом от моей майки. Я села на табурет у окна, вытащила из кармана ключ от подсобки на синей изоленке, положила рядом лист с семью пунктами и достала свою рабочую тетрадь. На первой странице у меня уже было расписание смены на июнь, на второй — журнал маршрутов, который я переписала по новой форме позавчера, не дожидаясь никакого инспектора. Третью страницу я открыла чистой. Сверху написала: «Сорок восемь часов». Подчеркнула дважды.

Маша принесла мне тарелку с кашей и кружку чая, поставила все это аккуратно, как маленькая хозяйка, и села напротив. Она посмотрела на лист, на ключ, на меня.

— Мам, а дядя в форме — это кто?

— Инспектор. Он проверяет, безопасный ли у нас лагерь.

— А ты ему не понравилась?

— Я ему не знакомая, дочь. Я ему пока не доказала.

Она кивнула, как будто это было нормально, и пошла к окну. Я стала считать пункты. Первый — спасательные жилеты старшей группы, нет четвертого класса. Второй — узел рулевой лодки номер семь без акта испытаний. Третий — помещение для ночлега младшей группы не принято в эксплуатацию. Четвертый — журнал маршрутов не по форме. Пятый — у инструктора Панкратова не просрочена медкнижка, а у напарника Миши нет справки о допуске к работе на воде. Шестой — на причале нет таблички с глубинами. Седьмой — в подсобке аптечка без бинтов и жгута. Пункты были грамотные, злые, но грамотные. Два зачеркнутых — про огнетушитель и про крышу под навесом — он вычеркнул сам, потому что огнетушитель у меня был новый, а крышу я перекрыла позавчера.

Я дописала карандашом рядом с каждым пунктом, что у меня уже есть и что нужно достать. Жилеты — двадцать штук на младшую группу пришли, еще двадцать на старшую

зависли в тендере. Узел я поменяла, осталось вывести Панкратова на ходовые испытания и снять на камеру, чтобы было что показать. Помещение для ночлега — это бывший склад у пирса, я там три дня мыла полы и ставила новые матрасы, осталось вызвать комиссию. Журнал я переписала, осталось подписать у инспектора новую форму. Медкнижка Панкратова — действительна до сентября, справку Мише я возьму у фельдшера в понедельник с утра. Табличка с глубинами заказана, придет в среду. Аптечка — Нина соберет из нового списка, бинты и жгут привезут со склада к обеду.

Я прикинула по часам. До понедельника девять утра у меня ровно сорок восемь часов. Из них восемь я просплю, четыре уйдет на дорогу и комиссии, шесть — на ходовые испытания и съемку. Останется тридцать. Этого мало, но хватит, если не случится нового вранья.

Тарелку я доела, вымыла за собой, отнесла ключ обратно в карман и пошла к подсобке. По дороге заглянула к Нине Карповой, она сидела за бухгалтерским ноутбуком и смотрела на цифры так, будто они ей должны.

— Нина, мне нужна новая аптечка по списку инспектора. Бинты, жгут, пластырь, антисептик. К обеду.

— Анют, а деньги?

— Сначала собери. Потом я подпишу.

— А если Крылов скажет, что мы и тут нарушаем?

— Не скажет. Он сам вычеркнул лишнее.

Нина кивнула, я вышла. На крыльце подсобки сидел Сергей Панкратов и курил, глядя на воду. Он посмотрел на меня, и я по его лицу поняла, что он уже знает.

— Слышал про ленту. Надолго?

— До понедельника. В девять утра жду тебя на пирсе с лодкой номер семь. Пойдем по первому рукаву, я посажу за руль Мишу, ты за инструктора, я за съемку. Нужны ходовые испытания узла, на камеру.

— А инспектор?

— Приедет к девяти. Увидит лодку, увидит узел, увидит журнал. Если мы не придем с актом — останемся без второго и третьего рукава на весь июнь.

Сергей затушил сигарету о подошву, спрятал окурки в жестянку и встал.

— Я буду. Только давай без камеры. У меня от нее руки трясутся.

— Без камеры нельзя. Без записи инспектор не примет акт. Я сама буду снимать, ты рули.

Он кивнул. Я пошла в подсобку, открыла свой шкафчик, достала планшет, зарядку, свой блокнот с расписанием и связку ключей от корпусов. На верхней полке лежал запечатанный пакет с двадцатью новыми жилетами младшей группы. Я посмотрела на него, потом на дверь, потом снова на пакет. Мне нужно было проверить пломбу, чтобы в понедельник не оказалось, что жилеты не того класса.

Я достала нож со стола, разрешила упаковку, вытащила один жилет, осмотрела пломбу, бирку, ткань. Третий класс, для первого рукава хватает. Я убрала жилет обратно, заклеила упаковку скотчем, чтобы не было видно, что вскрывала, и написала в блокноте: «Жилеты мл. — ОК, 20 шт., пломба цела». Подчеркнула. Положила блокнот в карман.

На улице хлопнула калитка, и я услышала Машу. Она бежала от столовой к подсобке, в руках у нее был мой красный блокнот.

— Мам, там на первой странице ты забыла расписание. И вот еще.

Она протянула мне сложенный вчетверо лист. Я развернула. Это была копия того самого предписания, которое я только что получила от Крылова, списанная от руки. Почерк был ровный, без наклона, с маленькой буквой «д» внизу. Внизу стояла подпись «Д. Крылов». Я перечитала первую строчку: «По результатам инспекции маршрутов лагеря «Рубин» от 20 числа...»

— Где ты это взяла?

— Он забыл на столе. Я хотела убрать, увидела, что это про нас, и принесла тебе.

Я посмотрела на дочь. Девять лет, белые хвостики, красный блокнот в руках. У меня в кармане — ключ от подсобки, за пазухой — мокрый телефон, на столе — недописанный план на сорок восемь часов. И копия акта, которую мне принесла моя же дочь.

— Маша, положи это обратно на стол. Я отвезу ему сама.

— А ты ему позвонишь?

— Я позвоню.

Она кивнула, ушла. Я сложила лист обратно, спрятала в планшет, достала телефон. Номер Крылова у меня был, я нашла его в журнале маршрутов, на последней странице, где положено писать инспектора. Набрала. Он взял трубку на третьем гудке.

— Денис Андреевич, это Анна Рубцова. Вы оставили на столе в столовой копию предписания. Я могу подвезти.

Помолчал. Потом сказал:

— Не надо подвозить. Я заеду сам, через полчаса. Мне нужно осмотреть помещение для ночлега младшей группы.

— Хорошо. Я буду у подсобки.

Я положила трубку, посмотрела на красную ленту через окно, на ключ в кармане, на дочь в конце двора. Через полчаса он приедет не за копией. Он приедет смотреть, как я устроила ночлег, и я покажу ему матрасы, окна, запасной выход, аптечку, которую еще не собрала. У меня в руках — ключ от подсобки, план на сорок восемь часов и копия его собственного акта, которую мне принесла Маша.

Я вышла из подсобки, заперла дверь, положила ключ в карман и пошла к корпусу ночлега.

Корпус ночлега стоял за пирсом, низкий, бревенчатый, с двумя окнами на реку. Я открыла дверь своим ключом, вошла, остановилась посередине. Матрасы в ряд, новые, в заводской пленке, я их сама принимала во вторник. Окна мытые, на форточках сетки от мошки, я их ставила с Кириллом в воскресенье. Запасной выход — дверь на другую сторону, к лесу, на ней щеколда и табличка «выход». Аптечка — пустая, Нина еще не привезла. Это я должна была показать инспектору, и именно этого я не могла показать.

Я достала телефон, набрала Нину. Трубку она взяла сразу, видно, ждала.

— Нина, аптечка. Когда?

— Анют, я в пути. Двадцать минут. Бинты, жгут, пластырь, антисептик — все по списку.

— Положи на стол у двери. Мне через двадцать минут показывать помещение.

— Покажу.

Я положила трубку, обошла комнату еще раз. На полу у стены лежал старый фонарь, я его подняла, проверила батарейки. Светил. Повесила на крючок у выхода. Открыла шкаф с постельным — там лежали шесть одинаковых комплектов, я их сама гладила утюгом, когда Маша была в школе. Все было готово, кроме аптечки и одного: у меня не было бейджа с моей фамилией и номером смены на двери. Инспектор спросит, я скажу, что забыла, он запишет, это будет восьмой пункт.

Я вышла на крыльцо, посмотрела на дорогу. Машины не было. С озера тянуло холодом, на воде у пирса плавала красная лента, она шевелилась от ветра. Я подняла воротник, посмотрела на часы. Через двадцать пять минут он будет здесь, и я либо покажу ему работающее помещение с аптечкой и бейджем, либо он запишет, что помещение не готово, и это будет девятый пункт, после которого даже я не смогу доказать, что справлюсь.

Я села на ступеньку, достала блокнот. Написала:

«1. Аптечка — жду Нину, 20 мин. 2. Бейдж — нет. 3. Журнал — новый, нужно подписать у инспектора форму. 4. Узел — ходовые испытания в понедельник, с камерой. 5. Панкратов — жду подтверждения, что он в понедельник будет. 6. Жилеты — проверила пломбу, 20 шт., третий класс, ОК. 7. Миша — справка у фельдшера в понедельник. 8. Табличка глубин — среда. 9. Помещение — осмотр через 25 минут, без аптечки и бейджа».

Подчеркнула цифры один и два. Положила блокнот в карман.

На дороге показалась машина. Не служебная, темная, я таких в городе не помнила. Она остановилась у ворот, вышел мужчина в серой куртке, без кепки, с папкой в руке. Я не знала его. Он посмотрел на меня, потом на корпус, потом снова на меня и пошел к крыльцу. Я встала.

— Анна Сергеевна?

— Да.

— Денис Андреевич Крылов. Инспектор безопасности. Можно пройти?

Я кивнула. Он вошел в корпус, я за ним. Он стоял у двери, не сажился, не трогал матрасы, не открывал шкаф. Смотрел. Потом сказал:

— Аптечка?

— Привезут через пятнадцать минут. Я вызвала бухгалтера, она в пути.

— Бейдж на двери?

— Забыла. Сделаю сегодня.

— Журнал осмотра помещения?

Я молча достала из кармана блокнот, открыла чистую страницу, протянула ему вместе с карандашом. Он посмотрел на меня, потом на блокнот, и я впервые увидела, как у него чуть дернулась бровь.

— Это не форма.

— У меня нет формы. Я работаю в этом лагере двенадцать лет, форма мне не нужна, чтобы знать, где матрас, а где окно.

Он взял карандаш, написал в блокноте дату, время, «осмотр помещения для ночлега младшей группы, инспектор Крылов Д. А.», расписался. Я убрала блокнот.

— Журнал маршрутов вы переписали, — сказал он, не спрашивая.

— Переписала. По новой форме.

— Я видел у ворот. Он хороший.

— Спасибо.

Он посмотрел на меня, и я снова заметила его руку — широкую, с обкусанным ногтем на мизинце, на тыльной стороне старый шрам. Рука, которая не помещалась в моем представлении о чиновнике.

— Через сорок восемь часов я приеду снова, — сказал он. — С комиссией. Если аптечка будет не собрана, бейдж не повешен, а узел не пройдет ходовые испытания, я подпишу приостановку второго и третьего рукава.

— Я поняла.

— Анна Сергеевна.

— Да.

— Я вас услышал.

Он вышел, сел в машину, уехал. Я постояла на крыльце, подышал, потом вернулась к двери, достала из-под коврика запасной ключ, повесила на гвоздь у косяка, рядом повесила бейдж, который достала из кармана. Я забыла его не дома. Я забыла его повесить, потому что утром думала о другом. Теперь он висел.

Через десять минут пришла Нина с аптечкой, положила на стол, я расписалась. Потом пришла Маша, встала у двери, посмотрела на бейдж.

— Мам, это новый?

— Новый. Висит.

— А дядя Денис уехал?

— Уехал. Приедет в понедельник.

Маша кивнула, помолчала и сказала:

— Мам, а можно я в понедельник тоже буду?

Я посмотрела на дочь. Девять лет, белые хвостики, красный блокнот в руках.

— Можно. Только не вмешивайся.

— Ладно.

Я заперла корпус, положила ключ в карман, посмотрела на красную ленту через окно. Через сорок восемь часов она либо снимется, либо останется. Я знала, что сделаю все девять пунктов, даже если для этого придется не спать двое суток. Но я также знала, что в понедельник в девять утра этот мужчина с обкусанным ногтем и широкой рукой будет стоять у моего пирса, и я не смогу отделаться от ощущения, что он видит меня не как нарушителя, а как человека, который делает свое дело и у которого есть дочь с белыми хвостиками и красным блокнотом. И от этого ощущения мне было не по себе.

Я стояла у перил корпуса и смотрела на дорогу, пока пыль от его машины не осела. Руки у меня были холодные, хотя день стоял теплый. Я знала, что сделаю все девять пунктов, но от этого знания внутри не стало теплее. От того, как он на меня смотрел в корпусе, стало теплее, и именно это меня злило.

Маша сидела на ступеньке крыльца, рисовала в красном блокноте. Карандаш у нее был желтый, короткий, я его сама точила утром. Она рисовала высокую фигуру в куртке и маленькую рядом, у воды.

— Мам, а дядя Денис рыбу ловит?

— Не знаю. Я его первый раз видела.

— А руки у него большие.

— У него шрам на правой.

Маша посмотрела на меня, потом снова в блокнот.

— Он тебя не пугал.

— Он меня не пугал.

— А чего ты тогда к двери его не пустила без ключа?

Я села рядом с ней на ступеньку. Достала из кармана блокнот, перечитала список. Подчеркнула цифру два жирнее, чем один. Бейдж. Бейдж я забыла не из-за лени. Я забыла его потому, что когда я его утром доставала из ящика, в почте лежало письмо от Вязова, и я три раза перечитала последнюю строчку, где он писал, что в июле Маша будет у него. Я забыла бейдж, я забыла позвонить Нине про аптечку, я забыла починить ручку на двери корпуса, я забыла все сразу, потому что этот мужчина в кабинете на другом конце города опять решал за мою дочь.

Маша положила карандаш.

— Мам, ты чего молчишь?

— Думаю про понедельник.

— Я тоже думаю. Я в понедельник ему скажу, что ты не виновата, что ты все успела.

— Не надо ничего говорить.

— Я скажу. Он же не знает.

Я посмотрела на нее. Девять лет, белые хвостики, карандаш в руке, голос, как у маленькой женщины, которая давно перестала ждать, что ее защитят.

— Маша, послушай. В понедельник я сама. Ты сидишь в столовой, пьешь чай, рисуешь. Понятно?

Она подумала, потом кивнула.

— А если он спросит про меня?

— Скажешь, что в лагере все готово. И это будет правда.

— Ладно.

Я встала, убрала блокнот. На дороге показалась светлая машина, не его. Остановилась у ворот, вышла Татьяна в желтом плаще.

— Анют, я с верстаком. Брус на крышу подсобки привезла, под банкой гвоздей лежит.

— Спасибо. Поможешь повесить?

— Помогу.

Мы пошли к подсобке. По дороге Татьяна молчала, потом сказала:

— Этот твой инспектор. Он в городе новый, из области прислали. Полковник запаса. У него на прежнем месте лагерь сгорел.

— Сгорел?

— Не от пожара. От проверки. Он тогда половину инструкторов снял, потом передумал, но поздно. Лагерь закрыли.

Я остановилась.

— С какими нарушениями?

— С такими же, как у тебя. Узел, аптечка, бейджи. Я в отделе образования слышала. Его после этого в область перевели, а теперь вернули.

— Зачем вернули?

— Не знаю. Может, хотят, чтобы он здесь тоже кому-то жизнь испортил.

Я посмотрела на подсобку, на крышу, на брус под банкой гвоздей. Потом на пирс, где у воды висела красная лента, и подумала, что через сорок восемь часов эта лента либо снимется, либо я буду собирать вещи.

— Тать, он мне не испортит. Я ему не дам.

— Анют.

— Что?

— Я в понедельник буду здесь. С Ниной. Если что, мы ему покажем помещение и аптечку.

— Не надо. Я сама.

— Я все равно буду. На всякий случай.

Мы вошли в подсобку, я достала молоток, гвозди, Татьяна поднялась на стремянку. Я подавала ей брус. Руки у меня больше не тряслись, потому что теперь я знала про него больше, чем он думал. Полковник, который уже закрывал один лагерь. Полковник, которого прислали второй раз.

Я подала Татьяне последний брус и сказала:

— В понедельник в девять я буду у пирса. С журналом, с актом, с бейджем, с аптечкой. И с Машей.

— С Машей?

— Она сама захотела. Я ей не разрешала. Она сказала, что если этот дядя меня не знает, то пусть посмотрит, кто у меня растет.

Татьяна посмотрела на меня сверху, потом кивнула.

— Правильно. Пусть посмотрит.

Глава 2. Половина реки закрыта

Я пришла к тендерной комиссии с пустой накладной и собранной папкой документов, потому что у меня не было выбора: снаряжение закупалось через городскую площадку, а без подписи инспектора безопасности ни один поставщик не подписывал мне акт нестандартной замены. Это была не моя прихоть, это был регламент, написанный людьми, которые никогда не сидели в мокрой лодке.

Склад пах слежавшейся резиной, рыбьим жиром и пылью от старых бланков. Я выложила на стол папку, открыла первую страницу и услышала, как в коридоре за моей спиной зашкрипели ботинки. По звуку я уже знала, кто идет, еще до того, как увидела форму. Полковник Крылов входил в любое помещение так, будто у него в кармане лежал приказ о введении военного положения.

— Рубцова, — сказал он. — Я думал, вы на воде.

— Я думала, вы в штабе, — ответила я. — Но мы оба ошиблись. У меня к вам процедурный вопрос, а не личный.

Он остановился напротив. Я не люблю, когда мужчина стоит надо мной, когда я сижу, поэтому я встала, опершись ладонью на стол. Жест вышел резче, чем я хотела, но Крылов сделал вид, что не заметил. Он заметил. Он всегда замечает.

Начальник тендерного отдела, пожилой мужчина с красной папкой, посмотрел на нас и отодвинулся вместе с креслом. Я его понимала: между инспектором безопасности и директором лагеря, у которого этот инспектор только что закрыл маршрут, воздух пахнет скандалом.

— Каски, спасжилеты, — я положила перед Крыловым список. — Я не прошу денег. Деньги у меня есть, остаток по прошлому контракту лежит на счету лагеря. Я прошу акт нестандартной замены. Старый поставщик отказался везти партию, потому что в тендере сменились условия. Без вашей подписи я не могу закупить даже детский спасжилет. Это формальный документ, Денис Андреевич. Не благодарность, не одолжение, не разрешение.

Я впервые назвала его по имени при постороннем. Получилось суше, чем я планировала. Я не хотела смягчать тон, но и не хотела, чтобы он прозвучало как удар. Получилось как удар.

Крылов не сел. Он взял листок, прочитал молча, потом поднял на меня глаза.

— Вы вчера спустили лодки без моего разрешения.

— Я спустила лодки по инструкции, которую вы переписали при мне. Я работаю по вашим правилам. Снаряжение — это ваши правила тоже. Так подпишите, чтобы мы оба закрыли вопрос.

Рядом, за стойкой, продавщица склада пила чай из жестяной кружки. У кружки была вмятина, и пар поднимался через дырку в крышке. Я отвернулась от этой кружки, потому что не хотела, чтобы у меня дрогнули руки.

— Анна, — он впервые назвал меня по имени тоже. Не Рубцова, не директор. Это прозвучало тише, чем я ожидала, и у меня в груди что-то коротко сжалось. — Если я подпишу этот акт, вы лично отвечаете за безопасность детей. Не лагерь, не муниципалитет. Лично вы. Это понятно?

— Это было понятно с первого дня, как я подписала трудовой договор с собственным лагерьем. Я отвечаю за детей всегда. Ваша подпись — это не мое разрешение жить, это бумага для поставщика.

Он смотрел на меня долго. У него серые глаза, и в них не было ни злости, ни жалости. Он смотрел так, будто проверял, выдержу ли я его взгляд. Я выдержала. Мне помогло то, что у меня за спиной сидел начальник тендерного отдела и продавщица с вмятой кружкой, и я не собиралась падать в обморок при свидетелях.

Крылов достал из кармана ручку. Обычную синюю ручку, не именную, не позолоченную. Подписал акт на моих глазах, положил ручку обратно, придавил листок ладонью и подвинул ко мне.

— Лично я, — сказал он. — Если что-то пойдет не так с закупкой, лично я.

Я взяла листок. Бумага была теплая, только что из-под его руки. От нее пахло одеколоном, который я уже ненавидела, потому что этот запах стоял у меня в кабинете после его первой проверки.

— Если что-то пойдет не так, — сказала я, — я приду к вам. Не потому что мне страшно, а потому что по процедуре. Это разные вещи, Денис Андреевич.

Он чуть дернул уголком рта. Не улыбнулся, не усмехнулся. Дернул, и все.

Я вышла со склада с подписанным актом и папкой в руках. Дождь начался, пока я стояла на крыльце. Крупный, тяжелый, пахнувший асфальтом и нагретой землей. Маша будет ждать меня у ворот лагеря в мокрых сапогах, и я должна буду объяснить ей, почему я задержалась на полчаса, не упоминая имени Крылова.

Я спрятала акт под куртку, чтобы бумага не промокла, и пошла к машине. Звонок телефона раздался, когда я уже открывала дверь. Номер был незнакомый. Я не взяла трубку, потому что у меня в кармане лежала подпись, которая решала, откроется ли сезон, и я не хотела рисковать этой подписью ради чужого голоса.

На обратной дороге в лагерь я дважды проверила, сухой ли акт. Бумага под курткой лежала ровно, по ней не расплзлось ни одного пятна, и от этого мне стало чуть легче дышать. Я не из тех, кто радуется чужой подписи, но сегодня эта подпись означала, что завтра утром я смогу позвонить поставщику и назвать номер счета, а не извиняться за пустую накладную.

У ворот лагеря меня ждала Маша. Она сидела на перевернутом ведре, болтая ногами в резиновых сапогах, и рисовала что-то в блокноте, который она таскала с собой с осени. Рядом стоял Сергей Панкратов и молча курил, глядя на реку. Он кивнул мне, и я кивнула в ответ. Между нами давно не было нужды в словах по утрам, мы и так знали, кто сегодня за старшего на воде.

— Мама, — сказала Маша, не поднимая головы, — а дядя Денис приходил.

Я остановилась. Сапоги мои были мокрые, в руках — папка, в кармане — акт, и я не хотела, чтобы у меня дрогнул голос.

— Какой дядя Денис?

— Ну, полковник. Который лодки считал. Он принес тебе ключ.

Она показала пальцем на навес. Под замком висел новый ключ на синей изолянте, рядом — бирка с моим именем, написанной его почерком: размашисто, с наклоном, будто он торопился.

— Он сказал, это от подсобки у пирса, — добавила Маша. — Там у нас сломанная дверь была, помнишь? Я ему сказала, что ты ругаешься, когда дует. Он сказал — починим.

Я подошла к навесу. Замок был не новый, но смазанный, и это было хуже всего, потому что это значило, что он стоял тут, у моего навеса, и думал, что мне нужно. Я не люблю, когда мужчина думает, что мне нужно. Я люблю, когда мне привозят то, что я заказала.

В комнате было тепло. Нина Карпова, наш бухгалтер, сидела за столом и раскладывала папки с накладными. Она подняла на меня глаза и без предисловий сказала:

— Рубцова, у нас беда. По тендеру прошла только половина спасжилетов. На остальные нет документа, потому что поставщик ждет твою подпись и подпись инспектора. А подпись инспектора у тебя одна, на акт нестандартной замены.

— Она у меня в кармане, — сказала я и положила акт на стол. — Давай сюда.

Нина посмотрела на бумагу, потом на меня, потом снова на бумагу. Она считает быстро, даже когда смотрит.

— Этот акт спасает ровно двадцать жилетов. На младшую группу хватит. На старшую — нет.

— Значит, на старшую поставим то, что есть, а на остальных — старые, но перебранные Сергеем.

— Рубцова, — Нина сняла очки, — ты слышишь, что ты говоришь?

— Слышу. Я также слышу, что у меня в кармане лежит подпись человека, который вчера закрыл мне маршрут, и я собираюсь эту подпись использовать, пока она у меня есть.

За стеной заскрипели половицы. Я узнала шаги. Тяжелые, уверенные, чуть короче, чем у инструкторов, потому что он привык ставить ногу целиком, а не накатом. Крылов вошел, не постучав. Он у себя дома так не ходил, наверное, но у меня на территории он стучит только когда несет плохие новости. Сегодня он их нес.

— Рубцова, — сказал он. — Здравствуйте, Нина.

Нина кивнула и уткнулась в накладные. Я встала. Между нами опять был стол, как утром на складе, только теперь стол был моим, и это меняло расклад.

— Я слушаю, — сказала я.

— Я переписал акт проверки. На старой версии была ошибка в составе группы на сплаве. Я исправил. Теперь там правильно: десять детей, два инструктора. Перепишите журнал маршрутов под новые данные.

Я взял лист, который он положил на край стола. Акт был напечатан на бланке инспекции, но подпись внизу стояла другая. Не та, которую я видела утром. Свежая, синяя, чуть размазанная слева — он подписывал на весу, пока шел, значит, не задержался после того, как починил мой замок.

— Спасибо, — сказала я. — За акт и за замок тоже.

Он посмотрел на меня, и я впервые увидела, как у него чуть дернулась бровь. Не удивление, нет. Скорее узнавание. Он понял, что я поняла про ключ, и не стал делать вид, что это была случайность.

— Замок я починил, потому что дуло на ваши счета, — сказал он. — Счета лежат у вас в подсобке. Я не хочу, чтобы их залило.

— Это не ваша забота.

— Это моя обязанность, — ответил он. — Инспектор отвечает за документацию лагеря в зоне своей проверки. Счета входят в зону. Поэтому не благодарите.

Я положила акт в папку. Мне хотелось сказать ему, что благодарность — это не моя работа, а его — не совать нос в мой навес, но он стоял ровно, руки по швам, и ждал, пока я закончу. Он всегда ждет, пока я закончу. Это у него новое, месяца три назад он не ждал.

— Я закончила, — сказала я. — У меня младшая группа через сорок минут выходит на воду. Я должна переписать журнал и проверить жилеты. У вас ко мне еще что-то?

— Да, — сказал он. — У вас на пирсе стоит лодка номер семь с неисправным рулевым. Я составил предписание. Лодка не выходит на воду до замены.

Он положил на стол еще один лист. Я посмотрела на предписание и почувствовала, как у меня сжались пальцы. Лодка номер семь — это моя лодка, на которой я десять лет вожу первую группу. Я знала про рулевой, я заказала новый на прошлой неделе, и без его предписания я бы справилась сама. Но теперь это его предписание, и его предписание висит над моей лодкой, и без его подписи я не могу снять этот лист.

— Хорошо, — сказала я. — Когда поставят новый рулевой, я приглашу вас на ходовые испытания.

— Я приду, — сказал он.

Он ушел. Нина посмотрела на меня поверх очков.

— Рубцова, — сказала она, — а ведь он к тебе приходил. Не к директору. К тебе.

— Он приходил по процедуре, Нина.

— Процедура не носит ключи на синей изоленке, — сказала она и вернулась к накладным.

Я взяла акт, журнал маршрутов и пошла на пирс. У кромки воды сидела Маша и чертила палкой по песку. Рядом с ней лежал блокнот, открытый на странице, где крупными детскими буквами было написано: «Мама ругается, когда дует. Надо починить». И ниже, другим почерком, размашистым и с наклоном: «Починили». Имя он не поставил. Не нужно было.

Утро началось с того, что Маша опять забыла кроссовки на крыльце, и я положила их у двери, а потом пошла к навесу за актом. Идти было далеко, шагов триста вдоль берега, и по дороге я думала о том, что Сергей сегодня должен привезти новый рулевой для седьмой лодки, а Крылов вчера поставил мне предписание, и без его подписи лодка на воду не выйдет. То есть он подпись свою поставил, а снять должен он же. Это и есть та процедура, к которой я привыкла за пять лет работы инспектором: один человек пишет, другой выполняет, и оба делают вид, что это нормально.

У навеса пахло сырым деревом и соляжкой. Замок висел новый, смазанный, ключ на синей изоленке торчал из скважины, и я поняла, что Крылов опять приходил без меня. Я вытащила ключ, открыла навес и увидела на полке перевязанные резинкой счета за последний месяц, которые я вчера оставила на столе в подсобке. Он их перенес. Не спросил, не оставил записки, просто перенес и перевязал. На резинке была приклеена бумажка с датой. Значит, он считал, что мне важна дата.

Я села на ящик из-под касок, достала из кармана акт нестандартной замены, который мне отдали на тендере, разложила его на коленях и стала читать по пунктам. Пункт первый: замена двадцати спасжилетов на младшую группу. Пункт второй: основание замены, подпись инспектора. Подпись стояла, черная, жирная, с маленьким хвостиком на букве «л». Крылов расписывался так, будто учил детей ставить росчерк на последней букве. Я знала его почерк, потому что за три месяца работы с ним я перечитала его рапорты, предписания и акты, и теперь могла узнать его руку из тысячи.

Крылов пришел, когда я уже заканчивала сверку. Он не постучал, просто вошел и остановился у входа, и я подняла голову и сказала:

— Доброе утро. Счета у вас в папке?

— Они у вас на полке, — ответил он. — Я их перенес, потому что ночью был дождь.

Я кивнула и закрыла акт. Между нами снова было это молчание, которое появлялось каждый раз, когда он делал что-то по своей инициативе, а я не знала, как это назвать. Не забота, не вмешательство, не приказ. Что-то четвертое, чему я отказывалась в слове.

— Зачем вы перенесли счета? — спросила я.

— Потому что дождь, — повторил он. — У вас в подсобке протекает крыша. Это нарушение. Я вчера подал предписание о ремонте. Если вы не успеете до конца недели, я обязан приостановить работу подсобки.

— Подсобки, — повторила я. — То есть места, где я храню документы.

— Именно.

Я встала, аккуратно положила акт в папку и подошла к нему. Мы стояли в полутора шагах, и я чувствовала запах его одеколона — что-то хвойное, дешевое, пахнущее так, будто его купили в военном магазине, а не в парфюмерном. У меня в груди что-то сжалось, и я поняла, что это злость. Чистая, рабочая злость на то, что он снова пришел первым.

— Денис, — сказала я, и имя вышло само, тихо, без «полковник». — Вы перенесли счета ночью, под дождем, потому что крыша в подсобке текла. Вы починили мне замок. Вы подписали акт на двадцать жилетов, хотя по процедуре должны были ждать тендер. Вы ведете себя так, будто мы с вами... — я запнулась, потому что следующее слово было лишним, — в одной связке.

Он смотрел на меня, и я видела, как у него напряглись скулы. Он не отвел глаза.

— Мы в одной связке по процедуре, — сказал он. — Вы директор, я инспектор. Я отвечаю за безопасность. Если у вас течет крыша, я обязан это зафиксировать.

— А замок?

— Замок я починил, потому что дуло на счета. Счета — это документы. Документы — это моя зона ответственности.

Я выдохнула. Мне хотелось сказать ему, что замок и крыша — это моя забота, и счета тоже моя, и лодка, и маршруты, и дети. Но я не стала, потому что он стоял ровно, руки по швам, и ждал, пока я закончу. Он всегда ждал, пока я закончу. Это у него новое.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда у меня к вам процедурная просьба. Сергей Панкратов привезет сегодня новый рулевой для лодки номер семь. Я хочу снять ваше предписание без выезда на воду. Можете подписать акт соответствия по фотографии узла?

Он посмотрел на меня, и я впервые увидела, как у него чуть дрогнули пальцы. Он хотел сказать «нет», я это видела. По процедуре он не имел права подписать акт по фото. Но он также видел, что я не прошу, а ставлю перед фактом: лодка будет на воде в обед, с рулевым или без его подписи.

— Я приду на ходовые испытания, — сказал он. — Лично.

— В обед у меня третья группа на маршруте, — сказала я. — Я не могу ждать.

— Тогда я приду в обед. После маршрута.

Мы стояли и смотрели друг на друга, и я поняла, что это и есть тот самый разговор, которого я боялась. Не про лодку, не про счета, не про крышу. Про то, что он приходит ко мне первым, а я не знаю, как это остановить, и не уверена, что хочу.

Я первой отвела глаза, взяла папку и пошла к выходу. У двери я остановилась и сказала, не оборачиваясь:

— Спасибо за счета.

— Не благодарите, — ответил он. — Это процедура.

Я вышла и пошла к пирсу. У кромки воды сидела Маша и чертила палкой по песку. Рядом лежал блокнот, открытый на странице, где крупными детскими буквами было написано: «Мама ругается, когда дует. Надо починить». И ниже, другим почерком, размашистым и с наклоном: «Починили». Имя он не поставил. Не нужно было.

— Зачем вы перенесли счета? — спросила я.

— Именно.

С озера тянуло холодной водой и тиной. Я посмотрела на блокнот, на ровную размашистую приписку без имени, и поняла, что врать себе дальше нет смысла. Он работал рядом со мной, не против меня, и это было опаснее любого приказа.

— Маша, — позвала я, — пойдем обедать.

Дочь поднялась, отряхнула колени, сунула блокнот под мышку и посмотрела на меня снизу вверх тем самым взглядом, которым девятилетние дети проверяют, можно ли говорить при чужих. Крылов стоял в трех шагах, руки в карманах, лицо спокойное, как у человека, который уже все понял.

— Мам, — сказала Маша, — дядя Денис мне обещал показать, как чинить сетку. Можно после обеда?

Я посмотрела на Крылова. Тот едва заметно кивнул, не разжимая губ, и я поняла, что он действительно обещал. Не мне, ребенку. И это меняло вес каждого его слова.

— Можно, — ответила я. — Только сначала обед.

Столовая к этому часу уже пустовала. Татьяна грела на плите суп, нарезала хлеб, и от этого простого запаха у меня впервые за день по-настоящему свело живот. Я ела стоя, у окна, глядя во двор. Маша устроилась напротив Крылова и болтала ногами под лавкой. Он слушал. Не поддакивал, не улыбался заученной улыбкой взрослого, который ждет, когда ребенок замол-

чит, а именно слушал, как слушают человека, чье мнение важно. Я поймала себя на том, что смотрю на его руки, лежавшие на столе ладонями вниз, и отвела глаза.

— Анна Сергеевна, — сказал он, когда Маша убежала мыть руки. — По акту соответствия маршрутов есть один пункт, который я обязан проговорить вслух.

— Говорите.

— Без моей подписи сезон не откроют. Тендер на снаряжение без моей визы не пройдет. Лодку номер семь я допущу к маршруту только после ходовых испытаний. Это не ультиматум, это регламент.

— Я знаю, — ответила я. — Именно поэтому я пришла к вам с папкой, а не с претензией.

Он кивнул. Я видела, как он хотел сказать что-то еще, но промолчал, и эта его сдержанность стоила мне больше, чем любой приказ. Полковник, который умеет не додавить, опаснее полковника, который давит до конца. У такого можно проиграть, но нельзя его возненавидеть.

После обеда мы вышли к пирсу. Маша притащила старую сетку, ту самую, с рваной ячеей, и шило с деревянной ручкой. Крылов сел на доски причала, подтянул сетку к себе и стал показывать, как вести шов, чтобы узел не тянул ячею. Маша устроилась рядом на корточках, высунув язык от усердия. Я стояла у столба и смотрела, как чужие мужские руки, привыкшие к оружию и биноклям, осторожно продевают леску через капрон.

— Не торопись, — сказал он Маше. — Порвешь верхнюю нить, и пойдет дыра.

Маша посмотрела на него серьезно.

— Я знаю. Мама так же говорит.

Я отвернулась, чтобы они не видели моего лица. На причале пахло смолой, водой и чужим одеколоном, который я уже узнавала за три шага. Этот запах не был мне неприятен, и именно это пугало.

К четырем часам сетка была починена. Маша держала ее в вытянутых руках и показывала мне, как ровно легли стежки. Крылов сидел рядом и не улыбался, но у него чуть теплели глаза, и я впервые подумала, что он, наверное, хороший отец. Не мне, не Маше, а кому-то, у кого мог бы быть такой же серьезный первоклассник с шилом в руках. Я отогнала эту мысль. Не мое дело.

— Анна Сергеевна, — сказал он, когда Маша убежала в корпус. — Завтра в восемь я буду у ворот с фотографом из газеты. Приедет корреспондент, хотят материал о подготовке лагеря к сезону. Если вам это неудобно, я отменю.

Я замерла. Газета. Материал. Лицо директора в одном кадре с инспектором, который подписал акт о закрытии половины маршрутов.

— Зачем? — спросила я прямо.

— Затем, что если кто-то в отделе образования захочет рассказать, что лагерь работает без проверки, у меня будет фотография с вами и подписанный акт в одной рамке. Это не реклама, это прикрытие.

Я посмотрела на него. Он смотрел в сторону озера, и я впервые увидела, как у него на скулах проступает румянец от холода или от того, что он сам понимает, как это прозвучало. Инспектор, который прикрывает директора, против которой писал акт неделю назад.

— Приезжайте, — сказала я. — Только пусть фотограф не снимает Машу без моего разрешения.

— Разумеется, — ответил он.

Я кивнула и пошла к штабу. В голове крутилась одна простая мысль: если завтра в газете выйдет мой снимок рядом с подписью инспектора, обратной дороги к прежней войне у нас уже не будет. И это было страшнее, чем любое закрытие маршрутов.

— Денис, — сказала я, и имя вышло само, тихо, без «полковник». — Вы перенесли счета ночью, под дождем, потому что крыша в подсобке текла. Вы починили мне замок. Вы

подписали акт на двадцать жилетов, хотя по процедуре должны были ждать тендер. Вы ведете себя так, будто мы с вами в одной связке.

— А замок?

— Спасибо за счета.

Глава 3. Праздник без папы

Я зажимала дверь кухни плечом и пыталась попасть ключом в замок, пока изнутри тянули подсобку с кастрюлями. Саквояж с документами бил по бедру, мокрые волосы лезли в глаза, а в кармане лежала квитанция на двадцать новых спасжилетов. Осталось еще сорок два, и старшая группа могла выйти на маршрут только со старыми жилетами, у которых истек срок поверки.

— Танечка, отпусти дверь, — попросила я. — Упаду вместе с журналом.

— Не упадешь, ты у нас директор, — донеслось из кухни. — У тебя даже падение оформлено приказом.

Замок щелкнул. Татьяна открыла дверь и посторонилась. В кухне пахло кофе, мокрой шерстью и детским шампунем: после утренней тренировки Маша забыла на подоконнике шапку. Я поставила саквояж на стол и достала папку, которую не хотела открывать при ребенке.

— Где Маша?

— У пирса. Кириллу помогает сортировать каски.

В папке лежало письмо из отдела образования. Игорь Семенович требовал предоставить ему полный финансовый отчет, а в конце добавлял: «Как отец, считаю необходимым лично контролировать безопасность дочери». Рядом я положила старый договор с поставщиком. Сумма была мне знакома до каждой копейки, но бывший муж снова заставлял меня доказывать, что я не растратила деньги, пока он строил новую семью.

Татьяна забрала у меня письмо.

— Опять долг?

— Нет. Желание участвовать в моей жизни за государственный счет.

— Он тебе должен?

— Только по кредитной карте. Триста тысяч.

— И он требует отчет?

— Конечно. Иначе как ему узнать, на что ушла его бывшая жена?

Татьяна подняла глаза от письма. В них не было ни удивления, ни жалости, только привычная оценка.

— Могу отправить ему наш обычный пакет. Там все есть.

— Отправляй. И добавь счет за воду.

— За какую воду?

— За ту, которую он выпил, когда приезжал с проверкой. Если контролировать все, пусть платит за каждый глоток.

На улице хлопнула калитка. Маша вбежала в кухню в резиновых сапогах и с моим журналом подмышкой.

— Мам, там дядя Денис пришел. Сказал, что у него новая бумажка.

Я закрыла папку.

— Какая?

— Не знаю. Он серьезный. Как будто у нас не лагерь, а армия.

— У нас и есть армия, только лодки деревянные.

Маша положила журнал на стол. Из него выпал сложенный лист. Я узнала печать инспекции.

— Это тебе, — сказала она. — Дядя Денис попросил передать.

Я развернула лист. Предписание касалось подсобки: крыша протекала, значит, хранить там аварийное оборудование нельзя. Еще утром Крылов был на пирсе, а теперь уже стоял у моей кухни и решал, где лежать моим каскам.

— Он вошел без стука? — спросила я.

— Постучал, — ответила Маша. — Ты не слышала из-за воды.

В дверях появился Крылов. На нем была темная куртка с капюшоном, на плече висела папка. Он посмотрел на письмо Игоря, потом на мое предписание.

— Нужно подписать.

— Что подписать?

— Акт о несоответствии. Крыша подсобки протекает.

— Она протекала в прошлом году и в позапрошлом.

— В прошлом году подсобку не проверяли.

— Потому что она была подсобкой, а не военным объектом.

Маша потянула меня за рукав.

— Мам, можно я покажу дяде Денису, где течет?

— Можно, — сказал Крылов. — Только издалека.

Маша выбежала во двор. Крылов последовал за ней, и мне ничего не оставалось, кроме как идти следом. Дождь закончился, но с крыши еще капало. Подсобка стояла за пирсом, в тени старой липы. На двери висел замок, который Крылов починил накануне, хотя я его об этом не просила.

— Вот здесь, — показала Маша. — У нас вода на ящик с рациями капает.

Крылов достал фонарик.

— Где рации?

— Внутри, — ответила я. — Я их перенесла утром.

— Я вижу.

— Конечно, видите. Вы же у нас теперь знаете, где что лежит.

Он повернулся ко мне:

— Это не личный интерес. Я отвечаю за безопасность.

— А я, по-вашему, нет?

— Я этого не говорил.

— Ваши предписания говорят.

Маша стояла рядом и записывала что-то в блокнот. Я понизила голос, но поздно: она уже открыла страницу и что-то записала.

— Маш, иди проверь, закрыта ли комната.

— А можно я здесь?

— Иди.

Она надулась, но отошла к пирсу. Я протянула Крылову акт.

— Подпишите соответствие по фото узла рулевого. Я пришлю фотографии с телефона.

— Нет.

— Почему?

— Фото не показывает поведение лодки на воде.

— Я покажу узел крупным планом и чек с заменой троса.

— Лодка номер семь выйдет только после ходовых испытаний.

— Она выходила в прошлом году.

— В прошлом году она прошла другой маршрут.

— Река не поменяла русло за двенадцать месяцев.

— После паводка уровень воды изменился.

Я посмотрела на реку. Она была широкой, темной, с быстрыми прозрачными полосами у противоположного берега. Крылов говорил формально, но я видела то же, что и он: вода поднялась за ночь на несколько сантиметров. Ему нужны были мои фотографии, мои документы, мое разрешение, а теперь он принес еще одну бумагу, чтобы я почувствовала себя директором только на своей территории.

— Если я проведу испытания после обеда, вы снимете предписание?

— Если не будет нарушений.

— А если будут?

— Тогда не выйдете.

— И кто будет решать, есть нарушения или нет?

— Я.

— Тогда это не испытание, а экзамен перед экзаменатором.

— Это инспекция.

— Конечно. У вас все, что связано с моей работой, называется инспекцией. Даже то, что вы приходите без приглашения.

Крылов не ответил. Его взгляд скользнул к моим рукам. Я все еще держала акт, и край бумаги дрожал. Я отпустила его, достала телефон и сделала снимок замка, крыши, ящика с рациями. Затем отправила ему фотографии.

— Здесь видно, что рации сухие, крыша течет, лодка на месте. Если вам нужна моя подпись под финансовым отчетом, я подпишу. Если нужна моя благодарность за то, что вы починили замок, ее не будет. Если нужна моя жизнь на входе в маршрут, вы ее не получите.

— Я не просил вашу жизнь.

— Выписываете предписания, будто она у вас в кармане.

Маша вернулась и встала между нами. В руках она держала свой блокнот.

— Дядя Денис, а вы умеете варить кашу? — спросила она.

Он моргнул.

— Какую?

— Гречневую. Мама сегодня не может, у нее документы.

— Умею.

— А чинить мотор?

— Нет.

— А картошку жарить?

— Нет.

— А слушать?

Крылов посмотрел на меня, потом на Машу.

— Слушать умею.

— Вот и слушайте тогда.

Я не поняла, что она хотела этим сказать, пока Маша не открыла блокнот. На странице рядом с моей записью о двадцати жилетах и старшей группе было написано: «Дядя Денис починил замок. Дядя Денис принес бумажку. Дядя Денис думает, что он главный».

Под последней строкой она приписала: «Он не главный. Он просто умеет слушать, если его попросить».

Крылов прочитал это через мое плечо. На его лице впервые не было привычной маски инспектора. Он выглядел так, будто его застали за чем-то постыдным, но он не знал, как уйти без объяснений.

— Я могу подписать акт о ремонте крыши, — сказал он. — Но подсобку все равно придется закрыть до окончания работ.

— Я уже закрыла.

— Когда?

— После вашего первого предписания.

— Вы не сообщили.

— Я не обязана отчитываться перед вами за каждый ящик. Я сообщила в журнале.

Он перевел взгляд на журнал, который Маша держала под мышкой.

— Хорошо.

Это слово прозвучало тише обычного. Крылов взял ручку и подписал акт о том, что подсобка не используется для хранения оборудования. Маша захлопнула блокнот.

— Теперь пойдем обедать, а то мама опять будет считать долги.

— У тебя есть долги? — спросил Крылов.

— У всех есть, — ответила она. — У меня вот три рубля перед Кириллом.

Он улыбнулся. Коротко, почти незаметно, но Маша заметила и довольно улыбнулась в ответ. Я забрала у нее журнал и пошла к кухне. Крылов двинулся следом, не впереди, а рядом. У ворот остановился.

— После обеда я подойду к пирсу, — сказал он. — Проведем испытания.

— Я проведу.

— Вместе.

— Вы опять приказываете?

— Я предлагаю.

Я посмотрела на него. Он стоял под мокрой липой, с актом в руке, и ждал, пока я решу, можно ли ему остаться.

— Хорошо, — сказала я. — Вместе.

Маша молча взяла меня за руку.

После обеда я мыла посуду одна. Татьяна ушла в город за продуктами, Кирилл возился с мотором на пирсе, а Маша убежала в свою комнату с блокнотом. Я привыкла к тишине после чужого смеха, но сегодня эта тишина была другой — натянутой, как струна.

В дверь постучали. Негромко, но требовательно.

На пороге стояла Ольга Вершинина. Новая инспектор городского управления, бывшая одноклассница Дениса. Я знала ее по слухам: красивая, жесткая, с дипломом юриста и привычкой ссылаться на регламент как на святой текст. В руках у нее была тонкая кожаная папка, в каких носят личные дела.

— Анна Александровна?

— Да.

— Ольга Вершинина. Городское управление образования. Мы договаривались о встрече.

— Я не помню, чтобы мы договаривались.

— Через секретариат Игоря Семеновича. Сегодня, шестнадцать ноль-ноль. Могу подождать, если вам неудобно.

Мне было неудобно. Мокрые руки, фартук, запах рыбного супа, который я только что сварила на двадцать четыре человека. Я вытерла руки и пригласила ее войти.

Она села за стол в моей комнате, положила папку перед собой и не сняла пальто. От нее пахло чужими духами — сладкими, тяжелыми, нездешними. Я поняла, что этот запах будет ассоциироваться у меня с проверкой.

— Я по поводу лицензии лагеря, — начала она. — Поступила жалоба от родителей. Они утверждают, что дети находились на воде без спасжилетов.

— У нас не выходят на воду без жилетов. Это правило номер один.

— У нас есть акт Крылова о закрытии половины маршрутов. Это правило номер один для инспекции.

— Жалоба была до проверки или после?

Она помедлила с ответом.

— Жалоба поступила вчера. Анонимная.

— Анонимная жалоба не может быть основанием для проверки.

— Может, если речь идет о безопасности детей.

Я почувствовала, как внутри поднимается холод. Та злость, которая приходит, когда знаешь, что тебя подставили, но не можешь доказать это сразу.

— Покажите жалобу.

— Она анонимная.

— Тогда покажите основание для визита.

Она открыла папку и достала лист с городским гербом. Я прочитала быстро, не поднимая глаз.

«В связи с поступившей жалобой и в соответствии с пунктом 4.2 регламента о муниципальных лагерях, рекомендовать передачу лагеря «Водная застава» другому оператору в случае отрицательного заключения инспектора безопасности».

— Это рекомендация, — сказала она. — Не приказ.

— Это давление.

— Это процедура.

Я положила лист обратной стороной вверх. Бумага была еще теплой от ее пальцев.

— Что вы хотите от меня?

— Чтобы вы подписали акт о добровольной передаче оборудования. Это ускорит процедуру.

— Ничего не подпишу.

— Анна Александровна, вы понимаете, что отрицательное заключение Крылова автоматически означает закрытие сезона?

— Понимаю, что вы пришли с готовым решением.

— Я пришла с документом.

Я встала. Она осталась сидеть.

— Документ пусть лежит у вас. Когда придет время, я сама его подпишу. Если захочу.

Она впервые посмотрела на меня не как на функцию, а как на человека. В ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, но тут же пропало.

— Хорошо, — сказала она. — Передайте это Крылову.

— Зачем?

— Он должен знать, что вы отказались сотрудничать.

— Я не отказалась. Попросила время.

— Время — это тоже отказ.

Она встала, застегнула пальто и пошла к двери. У порога обернулась:

— У вас приятный лагерь. Жалко, если он закроется.

Дверь за ней закрылась, и запах чужих духов остался в комнате. Я открыла окно, но ветер не помог. Тогда я пошла к пирсу и долго мыла руки в речной воде, пока не занемели пальцы.

Кирилл заметил, что я дрожу, и молча подал сухое полотенце. Я поблагодарила, не стала объяснять, от чего спасаюсь.

Вечером, когда Маша уже спала, я сидела за столом и переписывала жалобу от руки в свою рабочую тетрадь. Не для протокола — для памяти. Чтобы завтра, когда Денис придет за подписью, я могла показать ему, кто на самом деле пытается закрыть лагерь.

В дверь опять постучали. На этот раз тихо.

Денис стоял на пороге без кителя, в одной рубашке, с Машиным блокнотом в руке. Тем самым, который она забыла на лавке.

— Она просила передать, — сказал он. — И сказала, что вы плачете.

— Не плачу.

— Вижу.

Он протянул блокнот. На обложке Маша нарисовала двух человечков на берегу и написала: «Мама и дядя Денис слушают реку». Я взяла блокнот и прижала к груди.

— Спасибо, — сказала я.

— Анна, что случилось?

Впервые он назвал меня по имени без отчества. Впервые спросил, а не приказал. Я поняла, что не могу соврать. Не ему. Не сейчас.

— Приходила Вершинина.

Он нахмурился.

— С чем?

— С передачей лагеря.

— Кто подписал рекомендацию?

— Ваше ведомство.

Денис вошел в комнату без приглашения, сел на стул и положил руки на стол. Ладонями вверх.

— Этого не будет, — сказал он. — Пока я здесь.

Я не знала, верить ему или нет. Но впервые за день мне стало тепло.

Кирилл стучал по мотору так, словно тот ему задолжал. Я подвинула Денису свою тетрадь, открываю на странице с жалобой.

— Прочитайте, — сказала я. — Анонимная. Но с городским гербом.

Он читал молча, и я видела, как у него побелели костяшки пальцев на краю стола. Когда дошел до слов «другому оператору», он поднял на меня глаза.

— Это не моя подпись, — сказал он. — Я бы такое не подписал.

— Но Вершинина пришла с этим от вашего имени.

— Она пришла от своего имени. Я узнаю, кто инициатор.

— Не надо. Я сама.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то смешное. Я не смеялась. Я считала дни до открытия сезона и понимала, что у меня нет ни одного лишнего дня, чтобы воевать с Вершининой через его начальство.

— Анна, — он положил ладонь на тетрадь, — я напишу мотивированное возражение. Сегодня.

— Зачем?

— Потому что передача лагеря в середине подготовки сезона — это не процедура. Это подстава.

Я выдернула тетрадь из-под его руки. Аккуратно, как вытаскивают чужую карту из колоды.

— Мне не нужно ваше возражение, — сказала я. — Мне нужно, чтобы вы не подписывали ничего за моей спиной.

— Я не подписывал.

— Пока не подписывали.

Тишина повисла между нами, пахнущая чужими духами. Я подошла к окну и приоткрыла его шире. Ветер с реки ударил в лицо, и я поняла, что за эти сутки устала больше, чем за весь прошлый сезон.

— Хочу проверить журнал маршрутов, — сказала я, не оборачиваясь. — Вместе с вами. Прямо сейчас.

— Зачем?

— Затем, что Вершинина опирается на ваш акт. Если в акте есть ошибка — а она есть, потому что я переписала журнал по новым правилам, — я хочу, чтобы вы это увидели первыми.

Денис встал, одернул рубашку.

— Хорошо. Покажите.

Я сняла с полки журнал, положила его между нами на стол и открыла на первой странице. Там стояла моя подпись, число и пометка «по новым требованиям инспекции». Я смотрела, как он читает, как водит пальцем по строчкам, как задерживается на графе «контрольное время возвращения». Я знала, что он ищет. И знала, что не найдет.

— Здесь все правильно, — сказал он наконец.

— Да.

— И вы это сделали за ночь.

— За ночь и утро. Пока вы спали в своем кабинете, я переписывала маршруты для своих детей.

Он закрыл журнал и посмотрел на меня. В его глазах было что-то новое — не приказ, не оценка, а что-то похожее на признание.

— Анна, — сказал он тихо. — Я поговорю с Вершининой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это моя война. Вы — мой инспектор, а не мой адвокат.

Он усмехнулся — коротко, невесело — и кивнул. В дверь постучала Маша. Два удара подряд и один отдельно, как будто отбивала морзянку.

— Можно? — спросила она из-за двери.

— Можно, — сказала я.

Маша вошла в блокнотной рубашке, босиком, с карандашом за ухом. Она посмотрела на Дениса, потом на меня, потом на журнал между нами.

— Вы ругаетесь? — спросила она.

— Нет, — сказала я.

— Работаем, — сказал Денис.

— Это одно и то же, — заметила Маша и села на пол рядом с нами, подтянув колени к подбородку.

Я дала ей минуту, потом посмотрела на Дениса. Он уже собирался, и я поняла, что не хочу отпускать его с этим ощущением тепла, которое впервые за день прокралось ко мне через комнату.

— Мне нужно идти, — сказала я. — Маша, босиком нельзя.

— Я быстро, — сказала она и побежала к двери.

Денис задержался у порога. Без кителя я впервые увидела, как он носит рубашку — закатанные рукава, расстегнутый ворот. Я отвела глаза.

— Журнал я заберу на комиссию, — сказала я.

— Конечно.

— Спасибо, что прочитали.

Он кивнул и шагнул на крыльцо. Потом остановился и обернулся.

— Анна, я напишу мотивированное возражение на передачу лагеря. Сегодня. До конца дня.

— Я просила не писать.

— Я не за вас прошу. Я против подставы от своего ведомства.

Это была новая нота. Не защита, не ухаживание, а профессиональная позиция.

— Хорошо, — сказала я. — Пишите. Только копию мне.

Он спустился с крыльца и пошел к калитке. Не обернулся. И я подумала, что это честнее, чем если бы обернулся.

Кирилл перестал стучать по мотору и закричал кому-то на пирсе. Я вернулась в комнату, закрыла окно и села за стол. На столе лежала Машина тетрадь, забытая ею на лавке. Я открыла на последней странице и прочитала: «Дядя Денис не умеет плакать. Мама тоже. Они думают, я не замечаю. А я замечаю».

Я закрыла тетрадь и прижала ладонь к обложке. За стеной в столовой гремели тарелками, Татьяна командовала обедом, и я впервые за сутки почувствовала, что у меня есть дом, который стоит защищать. Не лагерь. Дом.

Я достала телефон и набрала номер Зои Марковны. Три гудка, потом ее голос — громкий, школьный.

— Зоя Марковна, завтра в школе утренник. Маша будет читать стихи.

— Анна? — она удивилась. — А что случилось?

— Ничего. Просто я хочу, чтобы она вышла на сцену.

— Конечно. Во сколько?

— В девять. Я привезу.

Я стояла у плиты и ждала, когда закипит чайник для Маши, когда за окном кухни раздался визг тормозов. Не школьный, не наш, городской — резкий, на чужой ноте, и сразу хлопок дверцы.

— Маша, не выглядывай, — сказала я.

Она уже стояла на табуретке у окна. Я успела схватить ее за ворот и снять на пол.

— Там тетя, — сказала она.

— Какая тетя?

— С прической. И дядя с сумкой.

Я выглянула сама. У ворот лагеря стоял серый «Ларгус» с местным номером, из-за руля выходила женщина в пальто и с прической, какую у нас в районе носят только проверяющие. Рядом — мужчина в костюме, с кожаной папкой и выражением лица, будто он уже выписал штраф, но еще не решил, кому отдать квитанцию.

— Танечка, — позвала я. — К нам едут.

Татьяна подошла к окну, вытерла руки о фартук и прищурилась.

— Это Вершинина, — сказала она. — Я ее по прическе узнаю. У нее всегда так, когда она с проверкой.

— С какой проверкой? Я вчера акт сдала.

— Значит, не с той.

Я сняла фартук, посмотрела на себя в осколок зеркала над раковиной и решила, что сойдет. Маша смотрела на меня снизу вверх и не спрашивала ничего, что было хуже любого вопроса. Я наклонилась, застегнула ей куртку до подбородка.

— Пойдешь со мной. Будешь рядом. Если спросят — отвечаешь, как считаешь правильным. Поняла?

— А если спросят про папу?

— Папы нет в лагере. Папа в отделе образования.

— А если скажут, что есть?

— Скажешь, что папа приезжает по четвергам и обещает подарки, которые забывает купить. Этого хватит.

Она кивнула. Мы вышли на крыльцо вместе.

Вершинина уже стояла у калитки и смотрела на наш причал, как будто прикидывала, с какого конца его описывать в акте. Мужчина рядом с ней держал папку так, чтобы я видела печать на углу.

— Анна Сергеевна, — сказала Вершинина без улыбки. — Здравствуйте. Это контрольно-ревизионное управление. Проверка по факту обращения родителя.

— Какого родителя?

— Мама Миши Данилова. Поступило заявление о ненадлежащем оказании услуг. Мы обязаны провести осмотр.

Я кивнула, потому что иначе было нельзя. Ветер с реки тянул холодом, у Маши за спиной хлопнула форточка, и я почувствовала, как у меня сводит пальцы. Не от холода. От того, что Вершинина произнесла «мама Миши» тем же тоном, каким утром читала мне бланк заявления. А значит, бланк был не просто бумажкой. Он был началом.

— Прошу, — сказала я. — Только дети на обеде, попрошу не шуметь в корпусе.

— Нам нужен пирс, медпункт и подсобка, — ответил мужчина с папкой. — И журнал маршрутов.

— Журнал в сейфе. Я принесу.

— Мы откроем сами. У нас есть предписание.

Я посмотрела на Вершинину. Она не отвела взгляд.

— По закону я имею право присутствовать при осмотре и подписать акт по его окончании, — сказала я. — В одиночку в мое отсутствие вы вскрыть сейф не можете. Я открою сама.

— Анна Сергеевна, не усложняйте.

— Я не усложняю. Я выполняю требования того же закона, на который вы ссылаетесь.

Она поджала губы и кивнула. Мужчина записал что-то в блокнот. Мы пошли к штабу втроем, Маша шла впереди, засунув руки в карманы, и я заметила, что она нарочно не оборачивается, чтобы не выдать, что боится.

У сейфа я достала ключ из связки на поясе, открыла, вынула журнал маршрутов и положила на стол. Вершинина взяла его, перелистала до конца, показала ревизору строчку с фамилией Миши Данилова. Тот кивнул и достал из папки копию заявления мамы.

— Здесь написано, что ребенок остался на маршруте без согласования с родителем, — сказал он. — И что инструктор не вышел на связь в контрольное время.

— Это неправда, — сказала я. — Контрольное время было выдержано, связь была по рации, согласование с родителем есть в журнале за неделю до маршрута. Покажите, Анна Сергеевна.

— Страница тридцать четыре, — сказала я. — Подпись родителя, дата, время звонка.

Он полистал, нашел, прочитал и поднял на меня глаза. Впервые за утро без выражения «я уже решил».

— Это согласование, — подтвердила я. — И рация работала. Если нужно, могу поднять запись с базы.

— Это лишнее, — быстро сказала Вершинина.

— Нет, это доказательство, — ответила я. — Я обязана его представить, если есть сомнения в безопасности детей. Это моя работа.

В коридоре послышались шаги. Маша обернулась к двери, и я поняла, что она слышит то же, что и я: ровный командный шаг, не наш, городской. Дверь открылась, и на пороге появился Крылов в куртке, с папкой под мышкой и без звонка.

— Анна Сергеевна, — сказал он, не здороваясь с ревизором. — Я по вызову Вершининой Ольги Николаевны. Как свидетель.

Вершинина дернула щекой.

— Я не вызывала свидетелей.

— Вы вызвали ревизию. По закону директор имеет право на присутствие свидетеля при осмотре. Я звоню в управление, подтверждаю.

Он положил на стол свою папку, достал из нее копию акта соответствия маршрутов с нашими двумя подписями и положил рядом с журналом.

— Этот акт подписан вчера. Маршруты соответствуют требованиям. Ребенок Данилов находился на маршруте в составе группы, согласованной родителем. Претензий к инструктору по результатам инспекции у меня нет.

Мужчина с папкой посмотрел на Вершинину. Она смотрела на Крылова.

— Денис Андреевич, это не ваша компетенция.

— Это моя компетенция. Маршруты — моя зона. Ребенок — моя зона по акту соответствия. Если у вас есть вопросы к журналу — задавайте. У меня копия с печатью канцелярии.

Маша подошла ко мне и взяла за руку. Я сжала ее пальцы и почувствовала, как они дрожат. Не у нее. У меня.

Через сорок минут они уехали. Вершинина выписала акт осмотра без замечаний, ревизор убрал папку, и «Ларгус» ушел по нашей грунтовке, подняв пыль до самых ворот. Крылов стоял у крыльца и смотрел, как оседает пыль.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что. Они приехали бы в любом случае.

— Но ты приехал тоже.

Он промолчал. Маша подняла голову.

— Дядя Денис, а вы умеете варить кашу?

— Умею.

— Тогда пойдете. У нас есть крупа.

Крылов посмотрел на меня. Я кивнула, потому что у меня не было слов, кроме этого кивка, и мы втроем пошли на кухню, где на плите все еще стоял чайник для Маши, и вода в нем давно остыла.

Я положила трубку и поняла, что сделала первый шаг. Маша завтра выйдет на сцену и скажет стихи, которые сама выберет. Не про папу. Не про лагерь. Про что захочет. И я дам ей эту сцену, потому что никто — ни Вершинина, ни Игорь, ни даже Денис — не отнимет у моей дочери право говорить на людях то, что она считает правильным.

В дверь постучали — два удара и один отдельно. Я улыбнулась.

— Маша, — сказала я. — Это я знаю.

Глава 4. В отцы не годитесь

К полудню лагерь пах нагретой сосной, влажной тканью и щами. Я резала лук на кухне, когда из-за двери послышался знакомый командный голос: Крылов разговаривал с Татьяной у входа, коротко и по делу. Нож стукнул о доску. Я вытерла руки о передник, вышла в столовую и сразу увидела его. Он стоял у длинного стола, без фуражки, с папкой под мышкой. На скамейке сидел младший инструктор и держал у виска мокрую салфетку, между пальцев у него сочилась кровь.

— Анна Сергеевна, у него рассечение, — сказал Крылов без приветствия. — Я осмотрел, нужна обработка. По аптечке есть все?

— Есть, — я кивнула на шкафчик. — Татьяна, принеси перекись, бинт, зеленку. Денис, отойди, я сама.

Я присела перед инструктором, закатала ему рукав выше раны, посмотрела на порез. Не глубокий, но длинный, от виска к скуле. Кровь шла ровно, значит, без осколков. Я подняла фонарик с полки, посветила, проверила зрачок. Зрачок сузился ровно. Хорошо.

— Сиди ровно, Миша, — я говорила тише, чем обычно, чтобы не пугать. — Будет щипать.

Перекись зашипела на порезе. Миша дернулся, но сжал зубы и не закричал. Я сняла осколок щепки пинцетом, наложила плотную полоску пластыря и перебинтовала. Руки у меня были свои, не тряслись, делала это сотни раз.

— Шрам останется, — я убрала бинт в аптечку. — Маме скажи, что у нас все штатно, через два дня сниму.

Крылов молча стоял у стены. Я чувствовала его взгляд и не оборачивалась, потому что руки еще пахли перекисью, а у меня на тарелке остывал суп, который я сама себе варила.

— Татьяна, — я закрыла аптечку, — посади Мишу в тень, пусть поспит полчаса.

— Есть, — Татьяна подхватила парня под локоть и увела. В столовой остались мы вдвоем, стол был накрыт на одну персону, и я села обедать.

— Ты мог бы предупредить, что придешь, — я зачерпнула щи. — Или хотя бы постучать.

— Процедура требует личного осмотра, — сказал он. — Я зафиксирую в рапорте оказание первой помощи.

— Зафиксируй, — я кивнула на стул напротив. — Садись, раз уж пришел. Щи налью.

Он сел. Я подвинула ему тарелку. Он ел аккуратно, не быстро, и смотрел не в тарелку, а на меня. Это было хуже, чем когда он проверял снаряжение. Я положила в его тарелку кусок хлеба.

— Спасибо, — сказал он коротко.

— Ешь, — ответила я. — У меня сегодня еще две группы, а ты сидишь голодный.

Крылов чуть усмехнулся, но промолчал. С улицы донесся голос Маши. Я услышала его первой, потому что всегда слышала дочь раньше, чем остальных. Она кричала что-то про собаку и про сетку. Я встала.

— Извини, — я забрала тарелку. — Меня зовут.

Маша стояла у крыльца, босая, с мокрыми от воды руками, в жилетке, которая была ей велика на два размера. За спиной крутилась лагерная собака, лизала ей пальцы. Маша увидела меня, потом Крылова, и сразу подбежала к нему.

— Дядя Денис, я сетку порвала, — она развернула мокрый кусок ткани с дырой. — Можно склеить?

— Можно, — сказал он. — Только сушить надо сначала.

Я смотрела, как он присел перед Машей, взял сетку из ее рук, посмотрел на дыру. Его пальцы были большие, грубые от тросов, и Маша смотрела на его руки так, как будто впервые

видела, как чинят вещи. Я знала этот взгляд. У Маши так же горели глаза, когда я впервые показала ей, как вяжется узел на лодке.

— Маша, марш сушить сетку, — я взяла дочь за руку. — Не мешай обеду.

Маша послушно пошла, но обернулась от двери и показала Крылову большой палец. Он кивнул ей, и у него на секунду стало человеческое лицо. Я это заметила, потому что знала, какое у него лицо, когда он проверяет лодки. Это было другое.

— Денис, — я села обратно. — Ты в рапорте напишешь, что Миша получил травму не по вине лагеря?

— Напишу, — он сложил руки на столе. — Если объяснишь, как он получил.

— Упал с причала, — я ответила ровно. — Ступенька скользкая после дождя, я уже посыпала опилками.

Он посмотрел на меня. Я видела, что он хочет спросить что-то другое, не про ступеньку.

— Ты бы позвонила, если бы я не пришел, — сказал он. — Или ждала бы до вечера?

— Я бы справилась сама, — я убрала его тарелку. — У меня всегда так.

Крылов встал, забрал папку из-за стула. У двери обернулся.

— У тебя в рапорте за прошлую смену написано "группа в составе 12 человек", — он говорил тихо. — Я переписал на "группа в составе 14 человек". Исправление верное. Состав менялся после медосмотра.

Я кивнула. Он впервые поправил свой собственный акт, не дожидаясь, пока я укажу. Это было больше, чем подпись. Это было признание, что я вела журнал правильно, а он заполнил его с листа, не глядя.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул и вышел. Я стояла у стола и слышала, как он разговаривает с Татьяной у входа, и как Маша снова кричит ему про сетку. Я подошла к окну и посмотрела. Крылов стоял на крыльце и показывал Маше, как держать иглу. Он присел на корточки, чтобы быть с ней одного роста. Это было не как инспектор. Это было как взрослый мужчина, который впервые учит чужого ребенка шить.

Я отошла от окна и впервые за день села. Тарелка была пустая, руки пахли щами и перекисью, и я подумала, что Миша сейчас спит в тени, а Маша сушит сетку, а в рапорте у Крылова теперь правильный состав группы. Маленькие вещи, на которых держится лагерь.

Я стояла у плиты и мешала щи, когда хлопнула входная дверь и по ногам потянуло сырым песком. Миша, мой младший инструктор, шагнул через порог боком, держась за скулу. Между пальцами у него текла темная, почти черная на свету кровь.

— Анна Сергеевна, — он говорил сдавленно. — Я с причала упал.

Я сняла фартук, бросила на табуретку, подошла к нему. За спиной Миши стоял Крылов, без фуражки, с папкой под мышкой. Он смотрел не на кровь, а на мои руки.

— На кухню, — сказала я Мише. — Сядь к окну, голову не запрокидывай.

Миша послушно сел. Я достала аптечку с верхней полки, выложила перекись, бинт, зеленку, фонарик, пинцет. Крылов шагнул ближе, остановился у стены.

— Процедура требует моего присутствия, — сказал он.

— Процедура требует, чтобы я видела порез, — я подняла фонарик. — Отойди на шаг.

Он отступил. Я присела перед Мишей, отвела его ладонь от скулы. Рана была длинная, от виска к уху, но рваная только сверху, дальше шла ровно. Щепка от перил. Я посветила фонариком, проверила зрачок. Зрачок сузился ровно. Хорошо.

— Щипнет, — предупредила я.

Перекись зашипела. Миша дернулся, но сжал кулак на колене. Я убрала пинцетом мелкий осколок щепы, промокнула края, наложила плотную полоску пластыря, перебинтовала. Руки не тряслись, делала это сотни раз на маршрутах и в столовой, и однажды ночью на острове, когда мальчишка упал с плота.

— Через два дня сниму, — я закрыла аптечку. — Маме скажи, что у нас штатно, без осложнений.

Миша кивнул, поблагодарил и ушел к выходу. На пороге столкнулся с Татьяной. Татьяна увидела бинт, остановила его, увела в тень под навес. Я слышала, как она ворчала про опилки и про скользкую ступеньку.

Крылов все еще стоял у стены. У меня перед ним стояла тарелка с остывшими щами. Я села за стол, зачерпнула ложкой.

— Садись, — я кивнула на стул напротив. — Раз уж пришел, поешь.

Он сел. Я подвинула ему тарелку, положила кусок хлеба. Он ел аккуратно, не быстро, и смотрел не в тарелку, а на меня. Это было хуже, чем когда он проверял узлы на лодках. От его взгляда мне хотелось одернуть передник.

— Допиши в рапорте, что помощь оказана штатно, — я не подняла глаз. — Без моего участия в журнале не оставляй.

— Допишу, — он положил ложку. — Анна Сергеевна, у тебя в рапорте за прошлую смену указано четырнадцать человек в группе. У меня в акте проверки стояло двенадцать. Я переписал.

Я подняла голову. Он смотрел спокойно, без командной ноты. Это было больше, чем подпись под актом. Это было признание, что мой журнал велся правильно, а он заполнил свой с листа, не сверяясь.

— Спасибо, — сказала я.

— Это моя ошибка, — ответил он. — Исправление верное.

С улицы донесся визг и плеск. Я узнала голос раньше, чем шаги. Маша. Я встала, Крылов поднялся следом.

Маша стояла у крыльца, босая, в жилетке, которая была ей велика на два размера. За спиной крутилась лагерная собака, лизала ей щиколотки. В руках у Маши болталась мокрая сетка с дырой.

— Мам, я сетку порвала, — она протянула сетку мне.

Я взяла, посмотрела на рваный край. Дыра была длинная, через три ячейки.

— Сушить сначала, — сказал Крылов, не дожидаясь моего ответа.

Он присел перед Машей на корточки, взял сетку из моих рук. Его пальцы были большие, в мелких ссадинах от тросов, и Маша смотрела на них так, как будто впервые видела, как чинят вещи. Я знала этот взгляд. У Маши так же горели глаза, когда я впервые показала ей узел на лодке.

— Дядя Денис, а можно иголку? — спросила Маша.

— Можно, — он достал из кармана перочинный нож и шило. — Только маме скажи сначала.

Маша посмотрела на меня снизу вверх, с мокрой челкой, прилипшей ко лбу. Я кивнула. Крылов показал ей, как держать шило, как прокалывать край ячейки, как ровно класть стежок. Маша слушала, не перебивая, высунув кончик языка от усердия.

Я стояла на крыльце и смотрела на них. Крылов впервые сел с моей дочерью на одну ступеньку. Он не приказывал ей, не поправлял тоном, не делал замечание про обувь. Он учил ее шить сетку, потому что она сама попросила. Это было не как инспектор. Это было как взрослый мужчина, который впервые понимает, что чужой ребенок ему доверяет.

— Маша, поешь сначала, — я позвала дочь. — Сетку досушишь после.

Маша нехотя отдала сетку Крылову, пошла в дом. Крылов остался на крыльце, разложил сетку на перилах, придавил углы камнями, чтобы сохла ровно. Я стояла рядом, на расстоянии вытянутой руки.

— Денис, — я сказала тихо. — Ты в рапорте про Мишу напишешь, что травма не по вине лагеря?

— Напишу, — он выпрямился. — Ступенька скользкая, опилки уже насыпаны. Я видел.
— Спасибо.

Он посмотрел на меня, потом на сетку, потом снова на меня.

— У тебя на кухне окно не закрывается, — сказал он. — Я почию, раз уж пришел.

— Я сама, — я ответила привычно. — У меня всегда так.

Он кивнул, но к окну все равно подошел, проверил задвижку, подтянул шуруп перочинным ножом. Задвижка встала ровно. Я смотрела, как он это делает, и впервые за день не сказала ни слова. Руки у меня пахли перекисью и щами, Миша спал в тени, Маша сушила сетку, а в рапорте у Крылова теперь стоял правильный состав группы. Маленькие вещи, на которых держался мой лагерь. И впервые за долгое время рядом был кто-то, кто видел, как я их держу.

Миша свернулся на лавке под навесом и уснул через минуту. Татьяна укрыла его пледом, сама села рядом, положив телефон рядом с фонариком. Я слышала, как она тихо переговаривается с Кириллом о списке снаряжения на завтра. Голоса были ровные, рабочие, без суеты.

Я вернулась на кухню, залила в тарелку свежие щи, поставила чайник. Крылов сидел за столом, где я его оставила. Папка лежала на краю, не на скатерти. Это была мелочь, но я заметила. Он привык не оставлять документы на чужой еде.

— Ты ешь, — сказала я. — А я выйду к Маше.

— Я подожду, — ответил он.

Я вышла на крыльцо. Маша сидела на ступеньке, босые ноги поджаты, сетка лежала рядом на просушке. Увидела меня, подвинулась.

— Mam, а дядя Денис ругаться будет, что я босиком?

— Не будет. Я ему скажу, чтобы не ругался.

Маша хмыкнула и прижалась плечом. От нее пахло рекой и собакой. Я положила руку ей на макушку, и волосы были теплые, нагретые солнцем, которого уже не было.

Ступеньки скрипнули. Крылов вышел с двумя кружками чая, поставил одну мне, вторую Маше. Маша взяла обеими руками, подержала, подула.

— Дядя Денис, а вы с нами ужинаете? — спросила она.

— Спасибо, Маша, — он сел на ступеньку ниже нас, не рядом, не вплотную. — Я поел.

— А чай можно?

— Чай можно.

Я смотрела на них и не знала, что мне делать с руками. Они были нужны, чтобы держать кружку, и они же требовали убрать челку с Машиного лба. Крылов пил молча, не наклоняясь к Маше, не пытаясь говорить за меня. Он просто сидел.

— Маша, — сказала я. — Иди в дом, надень носки. Я сейчас приду.

Маша вздохнула, как вздыхают дети, когда понимают, что сейчас будет разговор, на котором им нельзя присутствовать. Ушла, прихватив сетку. Мы остались одни. Чай пах дешевой заваркой и чуть-чуть дымом от печки.

— Денис, — сказала я, не поворачиваясь к нему. — В рапорте про Мишу напишешь, что травма не по вине лагеря?

— Напишу, — ответил он. — Ступенька скользкая, опилки я видел.

— Спасибо.

Мы помолчали. Река внизу была черная, только у берега вода блестела от фонаря. Я слышала, как в доме Маша возится с носками, роняет тапок, тихо ругается.

— Анна Сергеевна, — сказал Крылов. — У тебя окно на кухне не закрывается.

— Я знаю.

— Я почию.

— Я сама.

— Я почию, — повторил он. — Раз уж я здесь.

Я повернулась к нему. Он сидел ровно, кружку держал обеими руками, не пил. Смотрел на меня без улыбки, без той его командной ноты, которая появлялась у ворот. У него в глазах было что-то, чего я раньше не видела. Не жалость, не служебное участие. Просто внимание.

— Ладно, — сказала я. — Только инструменты в ящике под мойкой.

Он кивнул, встал и ушел в дом. Я слышала, как он открыл ящик, как звякнули отвертки. Маша выглянула из-за угла, посмотрела на меня, я кивнула, и она убежала в свою комнату.

Я осталась на крыльце. Чай остывал в кружке. Внизу, под обрывом, плескалась река. Из кухни доносились короткие, точные удары отвертки по шурупу. Крылов работал молча, не звал меня показать, не приглашал посмотреть. Это было лучше, чем любой отчет.

Через десять минут он вышел, вытер руки платком.

— Готово, — сказал. — Задвижку подтянул, петлю смазал. Завтра посмотришь.

— Посмотрю, — я встала.

Мы столкнулись на узкой ступеньке. Он отступил первым, но недостаточно быстро. Его рукав задел мою руку. Я почувствовала тепло через ткань и запах одеколона, простого, не резкого, какого я не ожидала от полковника.

— Спасибо за окно, — сказала я.

— Это мелочь, — ответил он.

— У меня нет мелочей, — сказала я. — У меня есть вещи, которые работают, и вещи, которые ломаются. Спасибо, что починил одну из них.

Он смотрел на меня сверху вниз. Я не отвела взгляд.

— Анна Сергеевна, — сказал он. — Я переписал свой акт проверки. В графе «состав группы» теперь четырнадцать человек, как у тебя в журнале. Мою ошибку я признал.

— Я знаю, — ответила я. — Спасибо.

Он кивнул, попрощался и ушел к калитке. Я слышала, как за ним закрылась щеколда. Маша выглянула из-за угла.

— Мам, — сказала она. — А дядя Денис еще придет?

— Придет, — сказала я. — У него много работы.

Маша посмотрела на меня внимательно, по-взрослому.

— А ты хочешь, чтобы пришел?

Я промолчала. Ответить честно я не могла, а врать ей не хотелось. Я взяла ее за руку, и мы вошли в дом. На кухне окно закрывалось плотно, без сквозняка, и в комнате впервые за неделю стало тепло.

Окно закрывалось плотно, и я поймала себя на том, что стою посреди кухни и слушаю тишину. Настоящую, без сквозняка и тонкого звона стекла в раме. Маша уже умылась и сидела за столом в носках, ела щи и не качала ногой. Мишу Татьяна уложила в дальней комнате, дверь оставила приоткрытой, фонарик у изголовья.

Я перемыла посуду, вытерла руки полотенцем и пошла в комнату. Там на столе лежала папка Крылова с переписанным актом. Я открыла ее на графе «состав группы». Четырнадцать человек, поименно, с подписью и датой. Строчка была ровная, без помарок. Рядом, на полях, он приписал карандашом: «Исправлено в присутствии директора».

Я села, перечитала. Взяла телефон, набрала Нину. Гудок, второй, третий.

— Ты чего не спишь? — голос у Нины был уже домашний, мягкий.

— Акт у меня на столе. С четырнадцатью.

— Я знаю, — сказала Нина. — Он мне звонил. Просил подтвердить, что старшая группа действительно четырнадцать.

— Ты подтвердила?

— Подтвердила. По журналу. Ты же знаешь, я цифры просто так не скажу.

Я положила телефон, закрыла папку и убрала в сейф. Не потому что прятала от Крылова. Потому что этот акт был мой. Исправленный по моему журналу, с моими детьми, на моей земле.

За стеной скрипнула кровать, Маша завозилась, пробормотала что-то про рыбу. Я заглянула к ней, поправила одеяло. На тумбочке лежал блокнот, открытый на странице с моей записью. Рядом, ниже, рукой Крылова: «Починили. Завтра проверю сетку сам». Без подписи. Я закрыла блокнот, выключила свет и вернулась к себе.

Утром я встала раньше обычного. Вышла на крыльцо, когда над рекой висела серая дымка и сетка на перилах еще блестела от росы. Под навесом, где вчера лежали счета, было пусто. На гвозде висела только бирка с моим именем на синей изоленте. Крылов забрал папку со счетами, когда уходил. Я нашла их у себя в комнате, на стуле, под резинкой с датой.

Я перелистала. В акте нестандартной замены появилась еще одна строка, его рукой: «Старшая группа обеспечена двадцатью жилетами, остальные по графику до 15 числа». Подпись, число. Он заранее закрыл завтрашний спор.

Я сделала кофе, налила в жестяную кружку с вмятиной. Вышла на пирс. Вода была тихая, поплавки на сетке едва покачивались. На причале, у столба, сидел Кирилл и чинил весло. Увидел меня, поднял руку.

— Анна Сергеевна, — сказал он. — Дядя Денис тут с утра был. Лодку семь проверял, с черным ящиком каким-то. Сказал, будет в обед.

— В обед, — повторила я.

Кирилл посмотрел на меня, помолчал.

— Он велел передать, что без вас на воду не выйдет.

Я кивнула. От кружки шел пар, и я держала ее обеими руками, чтобы согреть пальцы. На воде блестело солнце, которого еще не было. Где-то за лесом булькал мотор, и я не сразу поняла, что это Крылов уже на пирсе.

Он стоял ниже, на нижней ступеньке, в куртке, с ящиком для ходовых испытаний. Увидел меня, не поднялся, позвал снизу.

— Анна Сергеевна, я готов. Пойдете со мной?

Я посмотрела на него, потом на лодку номер семь, потом на свои руки в кофе. Допила, поставила кружку на столб и пошла вниз по ступенькам. На третьей он подал мне руку, и я взяла ее, потому что ступенька была скользкая. Его ладонь была сухая и твердая, и я сразу убрала свою.

Лодка качнулась, когда я спрыгнула на борт, и привычный мой жест - левой рукой за борт, правой придержать чехол с документами - вышел привычным же Крылова. Он стоял на причале и смотрел, как я устраиваюсь на корме, и в этом взгляде не было ни проверки, ни оценки. Он ждал.

Я завела мотор с третьего рывка, как всегда. Стрелка тахометра дрогнула, легла ровно. Крылов спрыгнул в лодку следом, сел на нос, поставил между колен черный ящик с ходовыми испытаниями.

— Курс держать в боковую протоку не пойдем, — сказал он. — Прямой участок до острова и обратно. Пять километров.

— Прямой, — согласилась я.

Он включил приборы. На планшете побежала зеленая линия, записался первый отрезок. Я держала ровно, лодка шла мягко. На третьем километре началась мелкая волна, и я переложила румпель чуть левее, привычно, не думая.

— Лево руля по течению, — сказал он. — Зачем?

— Здесь подводная коса, — ответила я. — Мелко. Если не обходить, днищем чиркнем.

Он записал в журнал ходовых испытаний. Потом поднял голову.

— Анна Сергеевна. Остановите.

Я сбросила газ, лодка легла в дрейф. Он пересел ближе, раскрыл ящик, вытащил манометр, замерил давление в баллоне под банкой.

— Узел рулевого, — сказал он. — Фото я посмотрел. Но не в фото дело.

Я молчала. Руки на румпеле затекли.

— У вас узел «восьмерка», — сказал он. — На фото все чисто. В жизни на узле потяжки. Потому что рука устает, когда тянешь детей с воды.

Я не поняла.

— При испытаниях узел выдержит, — продолжил он. — При реальной эвакуации с детьми, когда вы делаете рывок одной рукой, узел сползет на сантиметр. Лодка потеряет управление на полсекунды. На прямой это не страшно. На протоке, в камнях, при волне - страшно.

Он ждал.

— Что вы предлагаете, — спросила я.

— Акт соответствия подпишу после замены узла, — ответил он. — Сегодня есть час. Покажете мне, как вяжете. Я покажу, как вяжу я. Потом решим.

Я выключила мотор. Лодку повело течением, и нас медленно развернуло в сторону берега. Я смотрела на узел, на свои пальцы, которые помнили его за десять лет работы. Потом на его руки - на сухие, твердые пальцы, которые только что держали мой локоть на причале.

— Хорошо, — сказала я. — Покажу.

Он кивнул, снял пиджак, бросил на банку и взял веревку. Я села напротив, мы столкнулись коленями, и я поправила чехол с документами, чтобы не мешал. Руки наши легли на один узел. Я чувствовала, как он чуть придерживает мои пальцы, чтобы я не торопилась.

— Медленно, — сказала я.

— Медленно, — повторил он.

Мы перевязывали узел заново. Потом подняли лодку, закрепили рулевой на новом узле и снова пошли по курсу. Стрелка тахометра лежала ровно, зеленая линия на планшете шла без сбоев. На пятом километре он выключил прибор, посмотрел на меня.

— Снимаю предписание, — сказал он. — Акт соответствия подпишу после обеда.

Я не стала говорить спасибо. Просто кивнула. У меня горели пальцы от чужой веревки, и я хотела пить кофе из своей вмятой кружки. У берега нас ждал Кирилл с двумя чашками, и я поняла, что он видел все.

— Кирилл, — сказала я, вылезая на причал. — Спасибо.

— Не за что, — ответил он. — Дядя Денис просил передать, что без вас на воду не выйдет. Я подумал, что кофе тоже не помешает.

Крылов промолчал. Я взяла свою чашку, сделала глоток и пошла в комнату подписывать акт.

— Спасибо, — сказала я.

— Это по процедуре, — ответил он.

Я не улыбнулась. Но и не отвернулась.

Глава 5. Список нового снаряжения

Записка лежала в кармане куртки, которую я повесила сушиться на гвоздь у двери подсобки. Я нашла ее еще утром, когда снимала с Миши повязку и проверяла, не сползла ли марля. Клочок бумаги, тетрадный листок, вырванный по линейке, с моим именем и одним словом внизу, написанным детской рукой. Не разобрать. Я разобрала. «Помоги». Без подписи, без даты, только сгиб по диагонали и капля засохшего клея, будто записку прилепили к чему-то, а потом оторвали. Я спрятала клочок под резинку в свой рабочий блокнот и весь день носила его с собой, как чужой долг.

К вечеру в лагере стало тише. Дети разъехались по домикам, Татьяна унесла с кухни последний противень, Кирилл запер ворота и ушел к Сергею Панкратову чинить мотор. Я задержалась у подсобки. Дверь не закрывалась с обеда. Петля провисла, когда я тянула створку на себя, и верхний угол ушел в щель. Я подставила колено, надавила плечом и почувствовала, как дерево поддалось с сухим треском. Сломалась планка, которую Крылов вчера починил мне на скорую руку. Я не стала его звать. Сама нашла в ящике молоток, гвозди, подобрала обренок доски и примерила, как положить на место сломанную рейку. Руки помнили. Я однажды чинила такие двери каждое лето, когда лагерь только становился, и не было ни Татьяны, ни денег, ни сети инструкторов, только я и три бревна на причале.

Скрипнула половица за спиной. Я не обернулась. Запах крепкого чая и мокрого сукна я узнала раньше, чем голос.

— Анатольевна, дверь ходит ходуном. Я же говорил, что планку надо менять, а не поджимать.

Я подняла голову. Крылов стоял у порога с двумя кружками в руках, в той же куртке, что днем, но без планшета. Без папки. Без официального лица.

— Я и меняю, — сказала я и показала ему молоток. — Только без тебя.

Он поставил кружки на лавку, снял куртку и повесил рядом с моей. Рукав его рубашки был мокрый по локоть. Значит, был на воде. Значит, проверял маршрут, который сам же закрыл. Я промолчала, подставила ему гвоздь, и он молча вбил его с одного удара. Планка встала в паз. Дверь перестала ходить. Я толкнула створку, и она закрылась ровно, без того жалобного стоны, который я слышала последние два дня.

— Вот так, — сказал он негромко и посмотрел на мои руки. Я успела спрятать блокнот под полу куртки, но он заметил, как я двинула плечом. Заметил и ничего не сказал. Это было хуже, чем если бы сказал.

Мы сели на лавку пить чай. Я знала, что разговор будет, потому что Крылов не умеет молчать долго в чужом дворе. И он начал.

— Мне звонили из отдела образования. Завтра в десять у Вязова совещание по итогам инспекции. Приедут Вершинина, представитель родительского комитета, бухгалтер. Будут решать, оставлять ли лагерь за тобой или передавать другому оператору. Формально я не могу голосовать, но мое заключение ляжет в папку первой.

Я поставила кружку на колено.

— Ты мне это как инспектор говоришь или как человек, который вчера починил мне окно на кухне?

Он поднял на меня глаза. Я впервые видела у него этот взгляд, не командирский, не оценивающий, а какой-то растерянный, как у человека, который сам не понял, на каком берегу стоит.

— Как человек, — сказал он. — Я переписал свой рапорт. Убрал строку про несоответствие старшей группы. Вписал четырнадцать человек по журналу, который ведешь ты. Поставил дату. Подпись. Положил в папку на твоём столе.

Я молчала. Чай стыл. Записка в блокноте жегла мне бедро через подкладку куртки.

— Зачем? — спросила я наконец. — Зачем тебе это, Денис?

Он впервые назвал меня по имени, без отчества, без звания. И я впервые назвала его по имени, и оно прозвучало в моих губах как чужое и правильное одновременно.

— Потому что я ошибся в первом рапорте. Потому что мой метод не работает на твоей реке. Потому что ты вытащила Мишу с рассечением скулы одной рукой, а я стоял и смотрел, и у меня не было ни одного приказа, который бы помог.

Он замолчал и посмотрел на мою кружку, как будто она могла за него ответить.

— Я не знаю, как это делается без приказа, — сказал он тихо. — Я всю жизнь жил в строю. Мне проще запретить маршрут, чем поверить, что ты его проведешь. Проще закрыть лагерь, чем спорить с тобой у доски объявлений.

Я поднялась. Он тоже встал, и мы оказались друг к другу слишком близко, в узком пространстве между дверью подсобки и лавкой. Я чувствовала запах речной воды от его рубашки и слышала, как тикают наручные часы у него на запястье.

— Тогда не закрывай, — сказала я. — Не закрывай маршруты, не закрывай лагерь, не закрывай меня. Я сама. Я двенадцать лет сама. Мне не нужен ни твой приказ, ни твой рапорт, ни твоя жалость. Мне нужно, чтобы ты завтра в десять утра сказал Вязову правду. Про четырнадцать человек. Про мой журнал. Про то, что планку на двери ты починил не потому, что я попросила.

Он смотрел на меня и не отводил глаза. Я тоже.

— Я скажу, — сказал он. — Только у меня условие.

Я ждала. Он вытащил из кармана мокрый от дождя конверт и положил мне на ладонь. Сверху было написано мое имя, его почерк, и одно слово внизу, тем же карандашом, которым он правил свой рапорт. «Помоги». Тем самым почерком, что стоял на записке в моем блокноте. Только подпись стояла другая.

— Это написала Маша, — сказал он глухо. — Она написала это ночью и приклеила к твоей куртке. Я нашел, когда снимал куртки сушиться. Я не знал, что делать. Я принес тебе.

Я смотрела на конверт и не могла разжать пальцы. Записка в моем блокноте была не от Маши. Записка была чужая. И эта, вторая, тоже была чужая. Только теперь их стало две, и обе лежали у меня в руках, и Крылов стоял рядом, и чай стыл на лавке, и я впервые за двенадцать лет не знала, какую дверь закрывать следующей.

Конверт горел в руке. Я не могла его разорвать при нем. Я спрятала обе записки под резинку блокнота, сжала костяшки пальцев и выдохнула.

— Спасибо, — сказала я ровно. — Иди спать, Денис. Завтра тяжелый день.

Он кивнул, не стал спорить, поднял куртку с лавки и ушел к своей лодке. Я слышала, как стукнула дверь комнаты, как звякнула кружка о раковину. Я стояла у подсобки и ждала, пока у него погаснет фонарь.

Через десять минут фонарь погас.

Я заперла подсобку на ключ, прошла по тропинке к своему дому, не зажигая фар. Маша спала у соседки, у Зои Марковны. Я не стала ее будить. В комнате пахло сырым деревом и тем самым чаем, который я заварила вечером. Я села за стол, положила перед собой блокнот и вытащила обе записки.

Первая, найденная днем под кнопкой на доске объявлений. Мятый тетрадный листок, оторванный неровно. Почерк детский, но буквы слишком ровные, как у человека, который старался. «А.Р. Отойди от реки. Не твое дело». Без подписи. Ни «мама», ни «Маша». Только инициалы. Только приказ. Только мой адрес, написанный как чужой.

Вторая, в конверте. Та самая, которую Крылов принес от Маши. Я развернула. «Мама, помоги. Я боюсь что ты устанешь и нас закроют. Я буду хорошей. Только не уходи на воду

одна». Подпись стояла детская, круглая, с буквой «я» в форме сердечка, как Маша всегда писала.

Я положила их рядом. Свет настольной лампы резал бумагу по сгибу. Записки не совпадали. Почерк первой был взрослый, но притворялся детским. Записка была приклеена к доске объявлений рядом с моим расписанием дежурств. Ее мог видеть любой инструктор, любая мать, любой проверяющий. Это было не послание ребенка. Это было предупреждение.

Я достала телефон и набрала Сергея Панкратова. Он отозвался хрипло, со сна.

— Сергей, ты сегодня был у доски объявлений. Кто подходил к моему расписанию? Любой посторонний.

Он помолчал, потом сказал осторожно:

— К обеду приходила Зоя Марковна с двумя мамами из родительского комитета. И Кирилл подклеивал твой график дежурств, у него скотч порвался. А после обеда я видел Вершину. Она ходила с Вероникой, это та, что новый бухгалтер от округа. Они смотрели списки детей.

Вершнина. Бывшая одноклассница Дениса. Та самая, которая завтра в десять утра будет сидеть у Вязова и решать судьбу лагеря. Та, которая утром жала мне руку и желала удачи, а теперь, возможно, оставляла мне записки на доске.

Я положила трубку. Руки у меня не дрожали. Это было не страх, это была та самая злость, которая поднимается от живота, когда понимаешь, что тебя не оценили, а ломают.

Я надела куртку, взяла фонарь и вышла. Тропинка к доске объявлений шла вдоль забора. Я достала из кармана свой ключ, поддела кнопку, сняла ту самую записку, что нашла днем, и положила в пакет. Отпечатков пальцев я снимать не умела, но я сфотографировала кнопку, клочок засохшего клея и край бумаги на телефон. Если это дойдет до комиссии, у меня будет доказательство, что кто-то в лагере или при нем работает против меня.

Я вернулась в комнату. Достала чистый лист, написала короткую докладную на имя Вязова, без подробностей, только факт: на доске объявлений обнаружена записка неустановленного лица с угрозой в адрес директора лагеря. Подпись. Дата. Время. Я положила докладную в серый конверт и запечатала.

Потом я открыла окно. Ночной воздух пах мокрой травой и водой. Где-то за забором тявкнула собака. Я подумала о Маше, о том, что она написала «помоги», и о том, что я никогда не просила помощи у мужчины, который стоит у меня на пороге с мокрыми чашками.

Я подошла к двери и налепила под ручку свою записку. Простую, без подписи. «Завтра в десять у Вязова. Жду правду. Если нет, я приду сама».

Утром я сорвала ее раньше, чем Крылов вышел из комнаты. Он не должен был видеть. Это была не его записка. Это была моя.

Я сорвала записку с двери в четыре утра, засунула в карман и пошла к реке. На пирсе было пусто, только лодка номер семь покачивалась у причала, и я вспомнила, как вчера Крылов стоял рядом и смотрел, как я завязываю узел. Тогда он впервые назвал меня по имени, без чина. Я стояла у воды и ждала, пока рассмотреть, потому что в десять мне надо было ехать к Вязову.

В семь утра я была уже в кабинете. Зоя Марковна сидела напротив и пила чай из моей же кружки. На столе лежали два акта, мой и его, переписанный. Между ними я положила серый конверт с докладной.

— Это что? — спросила Зоя Марковна.

— Доказательство, что кто-то в лагере или при нем работает против меня, — сказала я. — Записка на доске объявлений. Инициалы мои, почерк чужой. Я хочу, чтобы Вязов это увидел до того, как Вершнина откроет рот.

Зоя Марковна посмотрела на меня поверх кружки.

— Ты думаешь, это она?

— Я думаю, это кто-то, кто знает расписание моих дежурств и умеет писать детским почерком. Это не ребенок. Это человек, которому я мешаю.

— А Крылов?

— Крылов принес мне записку от Маши. Он не знает про эту, вторую. И я ему не скажу, пока не пойму, кто это.

В девять я вызвала машину. Зоя Марковна осталась в лагере. Я взяла с собой акт соответствия по лодке номер семь, переписанный рапорт Крылова и серый конверт. В сумку положила телефон с фотографиями кнопки и клочка засохшего клея. Надела тот же жакет, что был на мне вчера на комиссии. Маша спала у соседки. Крылов, я знала, уже уехал в штаб, он всегда уезжал раньше всех.

В кабинете Вязова было жарко. Батарея работала на полную, и пахло бумагой. Вершинина сидела у стены, в темном костюме, с папкой на коленях. Крылов стоял у окна, руки за спиной, лицо каменное. Игорь Семенович сидел во главе стола и перебирал бумаги. Он увидел меня и поднял бровь.

— Анатольевна, — сказал он. — Проходите.

Я села напротив. Положила на стол акт соответствия по лодке номер семь, переписанный рапорт и серый конверт.

— Это в порядке очередности, — сказала я. — Акт по лодке, рапорт по группе, и докладная по факту угрозы в адрес директора лагеря.

Вязов взял конверт первым. Повертел в руках. Положил обратно.

— Угрозы — это в полицию, Анатольевна, а не ко мне.

— Полиция примет заявление от директора лагеря, если директор приедет к ним с распухшим от слез лицом, — сказала я. — А я приехала с документами. Поэтому заявление пишу вам.

Вершинина кашлянула.

— Анна Сергеевна, мы собрались по вопросу передачи лагеря другому оператору, — сказала она. — Это не про записки на доске.

— Это про то, кто пишет записки на доске, — ответила я. — Потому что если оператор сменится, вы не узнаете, кто из его людей оставил мне инициалы А.Р. и приказ отойти от реки.

Вязов посмотрел на Крылова. Крылов не шевельнулся.

— Денис Андреевич, — сказал Вязов, — ваш рапорт.

Крылов сделал шаг от окна, положил на стол переписанный акт. На обложке карандашом было приписано: «Исправлено в присутствии директора. 14 человек, не 12».

— Старшая группа — четырнадцать человек, — сказал он. — Журнал маршрутов директора составлен верно. Узел рулевого на лодке номер семь заменен в моем присутствии. Подсобка используется по назначению. Предписание закрыто.

Вершинина подняла бровь.

— Денис, мы договаривались о другом заключении.

— Я пишу то, что вижу, — ответил он. — Вижу четырнадцать человек, исправный узел и директора, который за десять минут до совещания привезла сюда доказательство угрозы.

Вязов взял мой акт соответствия, прочитал, подписал, не поднимая глаз.

— Лагерь остается за вами, Анатольевна, — сказал он. — Условия прежние. Половина маршрутов закрыта до замены снаряжения. Срок — до пятнадцатого числа. И давайте без записки.

Я кивнула. Положила подписанный акт в сумку. Серый конверт остался лежать на столе.

— Докладную я оставляю вам, — сказала я. — На случай, если следующая записка будет не на доске, а на лодке.

Встала и вышла. В коридоре пахло бумагой и остывшим кофе. Дверь кабинета закрылась за мной, и я услышала, как Вязов повысил голос. Потом голос Вершининой. Потом тишина. Я

спустилась по лестнице, вышла на крыльцо. У подъезда стоял Крылов. Он ждал меня, и я это поняла по тому, как он переложил папку из одной руки в другую.

— Я не знал про записку, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому я не сорвала твою дверь с петель этой ночью.

Он посмотрел на меня. Я смотрела на него.

— Спасибо за рапорт, — сказала я. — За остальное я разберусь сама.

Я не поехала домой. Водитель свернул к лагерю, и я попросила подождать. Серый конверт остался у Вязова, но у меня в сумке лежали фото кнопки и клочок засохшего клея, и я хотела засунуть их в свой собственный журнал, пока никто не видел. Документы и улики не должны жить в одной папке.

У ворот стоял Кирилл с ведром опилок.

— Тетя Аня, — сказал он, — там дядя Денис опять на пирсе. С лодкой.

Я скинула туфли на крыльце и пошла босиком к воде. Доски были еще мокрые после ночи, и я ступала осторожно, чтобы не повторить Мишу. Крылов стоял на причале в рубашке с закатанными рукавами и держал в руках моток нового троса. Рядом лежал снятый рулевой узел.

— Я думала, ты уехал в штаб, — сказала я.

— Уехал, — ответил он. — Вернулся.

— Зачем?

— Потому что мне не нравится, что кто-то в этом лагере пишет тебе угрозы, а я об этом узнаю последним.

Я села на доски причала. Ноги в воде, холод поднимался по щиколоткам. Крылов стоял надо мной и смотрел сверху, и это было неправильно. Я встала.

— Мне тоже не нравится, — сказала я. — Но это моя работа, Денис. Не твоя.

— Твоя работа — дети, — ответил он. — А угрозы — это уже моя.

Он говорил спокойно, ровно, и я поняла, что он не уйдет. Не потому что привык командовать, а потому что впервые за эти дни услышал слово «угроза» и решил, что это его территория. Я достала из сумки телефон и показала ему фото кнопки и клочок клея.

— Это я нашла на доске объявлений, — сказала я. — Записка была прищиплена кнопкой. Клей держал клочок бумаги, чтобы не было видно, что подложка оторвана от старого объявления. Кто-то снял чужое объявление и повесил свое. Инициалы мои, почерк чужой.

Он взял телефон. Долго смотрел.

— Это не ребенок, — сказал он.

— Я знаю.

— Это человек, который знает расписание твоих дежурств.

— Я знаю, — повторила я.

Он вернул телефон и присел рядом со мной на причал. Мы сидели на мокрых досках и смотрели на лодку номер семь. Трос лежал у его ноги, рулевой узел — у моих. Я положила руку на узел, он положил ладонь рядом. Не на мою руку. Рядом.

— Я не буду спрашивать, кому ты передала конверт, — сказал он. — Я видел, что ты вышла от Вязова, и этого мне достаточно.

— Я передала его Вязову, — сказала я. — Потому что записка про директора. И потому что Вязов — мой бывший муж, и ему придется отвечать, если со мной что-то случится при его молчании.

Крылов повернул голову. Я поймала его взгляд и не отвела.

— Ты сказала ему про бывшего?

— Нет. Я сказала ему про директора. Бывший — это мое.

Он кивнул. Я заметила, как у него напряглись пальцы на тросе, и он разжал их сам, без моей просьбы. Это было новое.

— Я хочу, чтобы ты сегодня не уходила с пирса одна, — сказал он.

— Я не буду одна. Маша у соседки. Зоя Марковна в лагере. Кирилл на воротах.

— Я не про них, — сказал он тише. — Я про вечер.

Я посмотрела на него. Он не смотрел на меня. Он смотрел на лодку.

— Хорошо, — сказала я. — В девять я буду на крыльце. Если ты к тому времени закончишь с тросом.

Я засунула телефон в карман и пошла не к воротам, а назад, к подсобке. Не хотела оставлять Вязову время обдумать мой визит. Хотела успеть засунуть клочок клея в свой рабочий журнал, пока бумага не потеряла запах типографской краски.

В подсобке пахло сырым деревом и дешевым растворителем. Нина Карпова сидела за столом, уткнувшись в счета, и подняла голову, когда я вошла.

— Анатољевна, — сказала она, — вам звонили. Из родительского комитета. Зоя Марковна просила передать, что завтра привезут младшую группу на день раньше. Автобус уже заказан.

Я кивнула. Автобус — это понятное. Автобус можно встретить.

— И еще, — добавила Нина тише. — Приходил мужчина в гражданском. Спрашивал, где хранится аварийная рация. Я сказала, что не знаю. Не мое дело.

Я поставила сумку на стол. Руки были холодные, я спрятала их под шарф, который лежал на вешалке.

— Какой мужчина, Нина?

— Без документов, — сказала она. — В сером пиджаке. Похож на чиновника из образования, но я их всех знаю в лицо. Этого — нет. Спросил про рацию, спросил, часто ли вы проверяете снаряжение, и ушел.

Я села на табурет. Ноги у меня замерзли, я стянула туфли и поставила их под стол. Рядом с туфлями Нины, которые стояли ровно, как на подставке.

— Рация на месте? — спросила я.

— Я проверила, — сказала Нина. — На месте. В ящике под картой маршрутов. Но я не включала. Не моя инструкция.

— Спасибо, — сказала я. — Если этот мужчина придет еще — вы мне сразу звоните. Не Вязову, не Крылову. Мне.

Нина кивнула и вернулась к счетам. Я достала из сумки клочок клея и фото кнопки, положила между страницами рабочего журнала, заложила карандашом. Встала. Ноги в носках на холодном полу, но мне было уже не до этого.

На крыльце стоял Сергей Панкратов с мотком нового троса. Увидел меня и подвинулся.

— Анатољевна, — сказал он, — вы бы это... переобулись. Полы ледяные, и к вам тут человек. К вам тут Денис Андреевич в девять обещал, я слышал.

Я посмотрела на него. Сергей смотрел серьезно, без подначки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.